

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СВИНЦОВАЯ

СОВЕСТЬ

Владимир Григорьевич Колычев
Свинцовая совесть
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958259
Свинцовая совесть : роман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61663-3

Аннотация

Майор Глеб Дробов получает тяжелое ранение во время спецоперации в Чечне и попадает в госпиталь, где хирург Ольга Евгеньевна буквально вытаскивает его с того света. Между врачом и пациентом устанавливаются дружеские отношения, которые вскоре перерастают в нечто большее, и дело уже идет к свадьбе... Но однажды Ольга исчезает. Майор Дробов уверен, что ее похитили, и обращается за помощью в милицию. Но менты искать Ольгу явно не собираются. И только один опер помогает Глебу: подсказывает, что Ольга могла быть похищена адвокатом уголовного авторитета Свирида. Глеб понимает, что помощи ему ждать больше неоткуда, и начинает собственное расследование...

Содержание

Раунд первый	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	55
Глава 7	66
Глава 8	81
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Владимир Колычев

Свинцовая совесть

Раунд первый

Глава 1

Организм работает на пределе, на износ, сознание – в ускоренном режиме. Руки выводят автомат на линию огня в привычно быстром темпе, а сама цель движется, как в замедленной съемке. Гранатомет на плече боевика, и, если он успеет выстрелить, быть беде. Но Глеб опережает его, палец жмет на спусковой крючок, пороховые газы с грохотом выталкивают пулю из канала ствола. Только вот некогда следить за ее полетом, надо переводить автомат на следующую цель...

Семь дней в горах, целая неделя на ногах. Мотострелковая колонна нацелена на чеченское село, группа майора Дробова ведет разведку на маршруте движения, обеспечивает ее прикрытие. Техника вязнет в грязи, продвигается медленно, тяжело, а в горах боевики, у них своя задача – затруднить, а по возможности сорвать марш. Семь дней группа Глеба в работе без всякого продыха, люди вымотаны, едва держатся

на ногах, потому и заметили боевиков слишком поздно, позволили застать себя врасплох. Семь дней в горах – это слишком много даже для тренированного бойца, поэтому боевики получили шанс. Глеб оказался на острие удара, и ему нужно продержаться хотя бы пять-шесть секунд, а там его подчиненные оправятся от неожиданности, вступят в бой всеми силами...

Непонятно, что делает здесь этот безусый юнец среди матерых бородачей, но у него в руках автомат, и он готов убивать. Может, ему и шестнадцати нет, но Глеб сейчас действует, повинувшись рефлексам, моральные соображения на заднем плане. Сопляк уже в прицеле, ударник разбил капсуль-воспламенитель патрона... А в поле зрения уже попал бородачатый араб со звериным оскалом. У него всего лишь один глаз, но на Глеба он смотрит через прорезь прицела, и нет возможности опередить его. Нужно уходить с линии огня.

Глеб отпрыгнул в сторону, в падении перекатился через плечо, но не заметил засыпанный прелыми листьями пенек, ударился об него локтем. Руку будто молнией пронзило, но автомат он удержал. Даже более того, открыл огонь, удерживая оружие больной рукой, и только потом придержал его здоровой. А справа на него вышел еще один «дух» и этот наводит на него автомат, но с ним Глеб успевает справиться, а вот что делать с его напарником, оружие которого также на изготовку? Уж очень близко подобрался враг, возможности для маневра нет, надежда на то, что боевик промажет...

Опасного боевика срезал кто-то из своих, но до этого он успел выстрелить в Глеба. Одна пуля ударила в живот, другая стукнула по голове...

* * *

Фильм обрывается на самом интересном месте, и если нет возможности досмотреть его до конца, тогда на помощь приходит пересказчик. Так бывает и с реальными жизненными историями.

– «Духов» мы отогнали, а вас, товарищ майор, на руках понесли. Они оклемались, за нами пошли, с фланга хотели обойти, но Карякин разгадал маневр, Лешку с пулеметом выставил. Серегу Чистова подстрелили, Карякин вас на него оставил, а нас на чехов бросил. Они нас подрезать хотели, а мы их врасплох взяли. Четверых уложили, остальные ушли. А там и вертушка подоспела, вас и Чистова забрали, нам сухарей подбросили, патронов, батарей для рации, мы еще сутки потом работали...

Прапорщик Сазонов – человек немногословный. Такие люди, как он, предпочитают показывать свою состоятельность не словом, а делом. В обычной жизни слова из него не вытянешь, вечно хмурый, нелюдимый, только где-то в глубине его глаз время от времени появлялся задорный огонек. А сейчас прапорщика не узнать, разволновался, разговорился так, что не уймешь. Да и не собирался Глеб его останав-

ливать: соскучился он по своим ребятам, хочется поскорее к ним вернуться. Сазонов это понимал, потому и развязал свой язык без всякого стеснения. Он рассказывал, как группа вышла из боя, как выполняла задачу дальше, какой разбор полетов потом устроило начальство. Хорошо, Глеб к этому времени был уже на операционном столе, а так бы получил выговор за то, что поставил группу под удар. Увы, но это было действительно так, и дикая усталость – тому не оправдание. Впрочем, задача была выполнена, мотострелковая колонна вышла на исходные рубежи, атаковала мятежное селение, выбила из него боевиков, и после окончания операции Глеба представили к ордену. Правда, не факт, что представление это утвердят. Героев много, а наград мало, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот.

Глеб мог бы слушать Сазонова и дальше, но в палату вошла Ольга Евгеньевна...

Глеб хорошо помнил, как первая пуля прошла живот. «Все!» – успело мелькнуть у него в сознании. Вторая пуля будто взорвала мир вокруг него, и он оказался в черном безвременном вакууме. Если его убили, значит, где-то в этой темноте должен был вспыхнуть свет и явиться ангел с ключами к вечной жизни. Именно это и произошло. Открыв глаза, Глеб увидел Ольгу Евгеньевну. Она стояла спиной к окну, и он видел ее в ореоле свечения, которое можно было принять за божественное сияние. Потому и принял он ее за ангела, хотя она была обычным земным врачом.

И все-таки Ольга Евгеньевна была его ангелом-хранителем. И не обычным врачом.

Оперировали Глеба в полевом госпитале, но не очень удачно. В Черноземск его доставили в состоянии комы, виной тому – ранение в голову. Но Глеб мог умереть и от ранения в живот, от осложнения, связанного с первой операцией. Что-то там пошло не так, и неизвестно, где бы он сейчас был, если бы не Ольга Евгеньевна. Хоть и молодая она – не больше тридцати лет ей – но руки у нее золотые. И хирург она отличный, и терапевт превосходный. Ничего, что ему вырезали чуть ли не половину желудка, зато сейчас все в порядке. Ранением головы занимался другой врач, талантливый нейрохирург с ученой степенью, Глеб очень был ему благодарен, в то время как Ольгу Евгеньевну он боготворил.

Ольга Евгеньевна ничего не сказала, она тихонько подошла к Сазонову, своей тонкой, невесомой рукой коснулась его плеча, с мягкой и даже теплой иронией во взгляде посмотрела на него. И тот все понял.

– Ну, давай прощаться, Глеб Александрович! Завтра утром я уезжаю, так что здесь вы меня больше не увидите. До встречи в части!

Сазонов поднялся, протянул Глебу свою большую крепкую ладонь. Рослый он мужик, здоровый, и силища у него в руках такая, что подковы в них гнутся. А Глеб роста среднего, в плечах – так себе, рука обычная, совсем не крупная, к тому же организм болезнью очень сильно ослаблен. И все

же руку Сазонову он пожал крепко, так, что в костяшках пальцев у него что-то хрустнуло и в глазах мелькнуло веселое удивление.

– Ну и хватка у вас, товарищ майор! Если так дальше пойдет, через месяц в строю будете.

– Будет, обязательно будет, – Ольга Евгеньевна показала Сазонову на дверь, тот понимающе кивнул, ободряюще взглянул на Глеба, взял под козырек и вышел из палаты.

– Что здесь у нас? – Ольга Евгеньевна многозначительно посмотрела на тумбочку.

Голос ее звучал в диапазоне между сопрано и контральто, ближе к последнему, но его и под расстрелом не назовешь грубым и уж тем более неприятным. Может, и низковат у нее голос, но звучит нежно, и слушать его – удовольствие. И сама Ольга Евгеньевна одним своим видом ласкает взгляд. Черты лица у нее не совсем правильные, даже грубоватые, нос широковат, зато какие у нее глаза – ясные, как солнечный день над синим океаном, не очень большие, но красивые. Губы пухлые, четко очерченные, помады на них едва-едва, но кажутся они сочными. Русые густые волосы подстрижены каре, чистая, матового цвета кожа, изящная шея. Грудь у нее небольшая, сама она худощавая, а бедра широкие, но это ничуть ее не портит, как раз наоборот... привлекает взгляд. Иной раз Глебу казалось, что ее внешность ничем нельзя испортить. И он даже знал, откуда у него такие мысли.

– Стандартный набор, – улыбнулся он. – Кефир, минерал-

ка и апельсины... Я понимаю, апельсины мне нельзя...

– Можно. Я думаю, уже можно. Только не больше половинки в день. Ничего крепче апельсинов, надеюсь, нет?

– Нет. Хотя от холодного пивка я бы не отказался.

– Ничего, будет и на вашей улице пиво...

Ольга Евгеньевна села на стул, еще не остывший после Сазонова, откинула в сторону одеяло, а Глеб сам расстегнул куртку пижамы и задрал майку. Она осмотрела швы на животе, провела пальцами вдоль них, слегка вдавливая их в живот. Не в том он сейчас состоянии, чтобы проводить глубокую пальпацию, и возникал вопрос, что можно нащупать такими вот поверхностными касаниями? Но выражение лица у Ольги Евгеньевны такое, как будто она прощупывала Глеба насквозь, все видела и замечала. Она даже не спрашивала, где и как у него болит, ей и без того, казалось, все было ясно. Да он бы и не сказал, где у него болит, потому что и сам этого не знал. Болезненные ощущения напрочь заглушались чувством удовольствия, которое доставляли ему прикосновения нежных и красивых женских рук. Он готов был еще раз получить пулю в живот, лишь бы только за его лечение снова взялась она.

– Что скажете, Ольга Евгеньевна? – спросил Глеб, когда женщина поднялась со стула.

– Все хорошо.

– Надеюсь, меня не комиссуют?

– А вам не терпится снова попасть под пули? – спросила

она, задержав на Глебе взгляд на секунду дольше обычного. Отношения у них официальные, с дистанцией «врач – пациент», но нет в ней прохладной сухости. О черствости тем более не могло быть и речи, потому что Ольга Евгеньевна сама по себе человек мягкий, хотя и с характером. И отчужденности между ними быть не могло, ведь она ему как минимум нравилась. А если как максимум... Ольга Евгеньевна догадывалась о его вздыханиях, но виду не подавала, однако он не первый год в этой жизни, поэтому точно мог сказать, что не равнодушна она... К нему самому она, может, и равнодушна, но к его к ней чувствам – вряд ли.

– Профессия у меня такая.

– Опасная у вас профессия.

– Я в курсе.

– Опасная у вас профессия, – в каком-то грустном раздумье повторила молодая женщина. – И к тому же очень активная. Тяжелые физические нагрузки, ненормированный рабочий день, неправильное питание.

– Что есть, то есть.

– А возраст?

– Что возраст? Мне всего тридцать четыре. Как говорил товарищ Карлсон, мужчина в самом расцвете сил.

– У Карлсона моторчик был, он летать мог, а вам на своих двоих по горам приходится бегать.

– У нас вертушки есть.

– Но бегать приходится... К тридцати четырем годам

спортсмены на тренерскую работу переходят. И вам неплохо было бы куда-нибудь на преподавательскую работу устроиться. Или на штабную. А лучше всего куда-нибудь в военкомат, там работа непыльная.

– Ну как же непыльная? Там архивная пыль, а она вызывает астму. Лучше дорожную пыль глотать, чем архивную...

– Возможно. Но я бы не рекомендовала вам возвращаться на прежнюю работу. Даже если вас признают годным к службе, все равно вы уже не сможете выдерживать прежние нагрузки, сильное перенапряжение будет сопровождаться острыми болями в животе...

– Зачем вы это мне говорите? – нахмурился Глеб.

– Хочу вас напугать. Хочу, чтобы вы задумались над своим будущим, – Ольга Евгеньевна прямо смотрела ему в глаза. Выражение лица у нее спокойное, непроницаемое, но чувствовалось, что это всего лишь маска, за которой она скрывала переживание за Глеба. Во всяком случае, он так хотел думать. – Вы еще долго пробудете у нас, но хорошо бы, чтобы вы начали думать уже сейчас...

Глеб хотел сказать что-нибудь поперек, но передумал. В сущности, Ольга Евгеньевна права. Не так уже и молод он, чтобы бегать по горам на пределе своих сил и возможностей. В Афгане он был ранен гранатным осколком в спину, ничего, подлечился немного – и в строй. В девяносто пятом в боях за Гудермес ему прострелили ногу, но тогда у него и в мыслях не было сходить с заданной дистанции. Но сейчас ему трид-

цать четыре года, он уже не мальчик, да и раны в этот раз серьезные – живот распахали, контузия, которая еще долго будет сопровождаться приступами головной боли, если не до конца дней.

Тридцать четыре года ему, но ни семьи нет, ни жилья. Комната в офицерском общежитии да служба – вот и все его счастье. А где-то в Питере у него растет дочь от первого неудачного брака. От первого и единственного...

– Я подумаю.

Действительно, а почему бы ему не перевестись сюда, в Черноземск, в областной или районный военкомат? Хоть и неустроен Глеб в личной жизни, но на службе его ценят, уважают. И связи у него в больших штабах есть, и, в принципе, он мог добиться такого перевода. Город большой, красивый, зеленый – неплохо было бы здесь получить квартиру.

– Вот и хорошо, – мило, хотя и несколько отстраненно, улыбнулась Ольга Евгеньевна.

– Я бы здесь, в Черноземске остался, есть возможность попасть на теплое место.

– Так в чем же дело?

– Есть одно условие.

– Думаю, это не ко мне, – врач вдруг встревожилась, будто почуяв подвох.

– Нет, как раз к вам... Вы должны выйти за меня замуж.

Ольга Евгеньевна чуть не поперхнулась, резко втягивая в легкие воздух. Слишком серьезно выглядел Глеб, чтобы вос-

принимать его слова как шутку. Целая гамма чувств отразилась у нее на лице – возмущение, недоумение, а за осуждением скрывалось восхищение. И щеки ее залила краска. И столько вопросов она хотела задать, что все они просто не могли уместиться на языке. Может, потому и повернулась она к нему спиной, чтобы воздержаться от столь глупого и нелепого, как ей могло показаться, разговора. А может, она возмутилась настолько, что возненавидела Глеба, а потому и не хотела его видеть...

Глава 2

Умопомрачительный экстази, ревущая музыка и пронзительные стоны красотки – все это ведет в ад, но через райское удовольствие.

Но вот все кончено.

– Уфф!

Свирид оттолкнул от себя официантку, рухнул на спину, в падении кулаком стукнув по кнопке на музыкальном центре. В комнате стало тихо, только слышно, как тяжело дышит девушка, будто не человек рядом с ним лежит, а загнанная лошадь.

– Гы-гы! – самодовольно гоготнул Свирид.

Заездил он девицу до изнеможения.

Он поднял руку, разжал кулак и ладонью шлепнул девушку по заду.

– Пошла вон!

Официантка Свириду не мешала, просто ему интересно было посмотреть, сможет ли она подняться после секса.

А она поднялась, но с трудом. Шатало ее – то ли от виски, то ли, как он хотел надеяться, от усталости.

– Давай быстрее!

Он потянулся к лежащему в кресле пистолету. «Вальтер» у него, последняя модель, только что из Германии. Крови на нем еще нет, так почему бы не открыть боевой счет?.. А мо-

жет, и не надо...

Но шлюха знала, с кем имеет дело, поэтому, в чем была, с визгом и пулей выскочила из комнаты.

Свирид разозлился. Нет, не смог загнать он эту кобылу, если в ней столько прыти. А так вдруг захотелось, чтобы она упала замертво! И все-таки он выстрелил, когда девушка выскочила из комнаты. Так, для острастки. Пуля попала в абажур стоящего у двери торшера, и лампочка под ним погасла. Неплохой выстрел! И этот глупый восторг удержал его на кровати, а ведь была мысль броситься за официанткой в погоню, еще раз выстрелить в нее – хотя бы для того, чтобы поддать ей жару. Но удачный выстрел осадил его безумный порыв. Да и подниматься лень... О том, что за девушкой он будет гнаться голышом, Свирид совершенно не переживал. Вернее, дурной наркотический угар мешал ему о том думать.

Он не помнил, сколько лежал на спине, тупо глядя в потолок. А когда поднялся, забыл все, о чем все это время рассеянно думал.

Свирид оделся, шаткой походкой вышел в кабинет. А там Артемчик, начальник его личной охраны, с ним двухметровый Гном. Один поднялся неспешно, пряча улыбку в усах, а другой вскочил резво, вытянувшись во весь свой недюжинный рост. С Артемчиком Свирид начинал свои лихие дела, тот мог обратиться к нему на «ты», а Гном только на «вы» и шепотом. Потому что молодой, хотя и с опытом.

За дверью приглушенно гудела музыка, вестибюль там,

одной стороной выходящий на танцпол, а другой – на большой игровой зал. Можно выйти туда, подойти к левой балюстраде, со второго яруса глянуть, как выкидывает коленца народ, или к правой – посмотреть, как скачет шарик по колесу рулетки, но никуда не хочется идти.

Свирид бухнулся в кресло и вопросительно глянул на Гнома.

– Ну, чего стоишь, как ишак на повороте? Кофе давай!

Гном кивнул, бросился к кофеварке.

– Думаешь, поможет? – спросил Артемчик.

Невысокий он, но кряжистый, как столетний дуб. Крепкая квадратная голова, мощная борцовская шея, бицепсы рвут рукава белой шелковой рубахи, перетянутой вдоль и поперек ремнями, на которых висела кобура с вложенным в нее пистолетом. Черты лица у него крупные, грубые, бульдожьи, и сам он похож на готового к броску бойцовского пса. Только взгляд у него не тупой, как у Гнома, а осмысленный, слегка насмешливый.

– Может, лучше водки?

– После колес? У тебя же здоровый образ жизни.

– Здоровый?.. Ну да, здоровый...

Свирид не был наркоманом и водкой не злоупотреблял, но иногда на него находило, тогда он мог и колесо глотнуть, и нос припудрить, а случалось, нажирался в гумно, то бишь в лежку на сеновале. Вот и сегодня на него накатило, потому и ударился в разгул, да так бездумно, что голову потерял.

– Слышь, Артемчик, а эта новенькая, она чистая?

Он уже и забыл, как звали официантку, с которой он переспал. Но вдруг ему придется вспоминать ее весь курс лечения?

– Я не проверял.

– А кто проверял?

– Никто. Пока ты пробу не снимешь, никто на нее не дернется... Надо у Лельки спросить, она должна была справку потребовать...

Свирид владел самым лучшим в городе казино – четыре игровых зала, бильярдная студия, ночной клуб со стриптизом, ресторан. Танцовщицы зарабатывали здесь хорошо, поэтому отбоя от желающих не было. Девушки-крупье хорошие деньги поднимали. А еще очень хорошо зарабатывали официантки, обслуживающие казино. Свирид нанимал только хорошеньких девочек – смазливых, с хорошей фигурой и красивой грудью, которую после двух часов ночи девицы выставляли напоказ публике. Целомудренность здесь, разумеется, не приветствовалась, и перед желающими занять вакансию вопрос, что называется, ставился ребром – даешь или не даешь. Нет – ищи работу дальше, да – добро пожаловать. И стриптизерши понимали, что казино – место злачное, добродетель здесь не в почете, но их это не очень смущало, потому в постель к Свириду они ложились без возражений. То с танцовщицей он зажжет, то с официанткой, бывало, и с крупье рулетку в постели раскрутит. Правда, со временем инте-

рес к таким развлечениям угасал, все реже устраивал он оргии, поэтому имелся в его казино хоть и небольшой, но все-таки запас нетронутых им девчонок, из него он сегодня и выбрал официантку... Кажется, Люба ее звали... На кого пальцем он сегодня показал, та к нему в кабинет и пришла. А у него, как назло, резинки не было. Да и не любил он это дело. Раньше он вообще никогда не защищался, а сейчас вдруг переживать стал. Старееет он, еще пару годков – и сорок лет стукнет. Все чаще на ум приходят мысли о спокойной старости...

– Да какие там справки? Двадцать баксов дал, и любая справка, – скривился Свирид.

– Ну, не скажи.

– Что «не скажи»?

– Двадцать баксов много, можно и за сотню рваных справку купить.

– Ну, так а я о чем?

– Водку давай.

– А надо? – с сомнением спросил Артемчик.

За то и уважал его Свирид, что не боялся он своего босса, мог и поперек слово сказать – для пользы дела. А дело в том, что экстази с водкой смешивать нежелательно, башню так сорвать может, что обратно и не прикрутишь.

– Надо!

Артемчик поставил на стол бутылку водки, две стопки – для босса и для себя. На службе он старается не употреблять,

но как не выпить за компанию с авторитетным человеком? Наполнил стопки.

Свирид смахнул со стола стопку, чокнулся с начальником своей охраны, выпил.

– Значит, не снимали пробу с Любки? – спросил он.

– Без тебя – нет.

– У нас что, феодализм? Право первой брачной ночи?

Свирид самодовольно хмыкнул. Любая форма деспотии хороша, но только если она в твою пользу...

А кто еще должен снимать сливки, как не Свирид? Кто бригаду в девяносто первом сколачивал? Кто выводил ее на большую дорогу? Рэкетом и крышами занимались многие, но где они, эти джентльмены удачи? И не счесть, сколько крутых пацанов полегло в девяностых – целые аллеи бандитской славы отлиты в граните на городских кладбищах. Где Соломон, Парфен, Сильвер, Карпуха? Одни только воспоминания об этих крутых авторитетах остались. Разве Парфен лет через пятнадцать еще выйдет из мест не столь отдаленных, а остальных никто никогда больше не увидит, потому что с того света не возвращаются. А где братва, которая под этими грандами ходила? Кто-то в могиле, кто-то сидит, кто-то непонятно чем занимается. Зато бригада Свирида на плаву. И охранная фирма у него своя, есть и подшефные бизнесмены, которые платят ему за свое спокойствие. И еще казино «Храм Фортуны», в которое он в свое время вложил не только душу, но и почти весь общак. Недостроенное зда-

ние кинотеатра за свой счет поднял, коммуникации подвел, планировку сделал, до ума все довел. Здание находилось в самом центре города, у реки, на самой набережной. И место здесь престижное, и в казино все по высшему разряду, так что самая денежная клиентура собирается у него, а это большие обороты, солидные навары. В девяносто восьмом бизнес хорошо просел, но даже тогда казино не работало себе в убыток. А сейчас дела в гору идут, с каждым днем все круче забираются. И все почему? Да потому что Свирид железный человек! Никакая сила его не берет – ни менты, ни конкуренты. Не будь его, бригада бы давно уже прахом пошла, а с ним братва при деле, при деньгах. И охранный фирма процветает, и в казино колесо фортуны крутится без остановки. Пацаны чуть ли не молятся на Свирида, поэтому его слово – для них закон.

– Сам такую постанову дал, – напомнил Артемчик.

– А это плохо?

– Разве я говорил, что плохо?

– Ну, может, тебе тоже хочется сливки снимать?

– Да мне как-то без разницы, первым быть или после тебя, – пожал плечами Артемчик.

– Ты всегда после меня будешь.

– Так а кто против?

– Клевые у нас девчонки, да?

– Не то слово! – похабно ухмыльнулся начальник охраны.

Артемчик и сам пользовался доступностью танцовщиц и

официанток. Внушительный он, но некрасивый – женщины таких не жалуют. У Свирида и статус круче, и мужчина он видный – ему никто никогда не отказывал, зато у Артемчика по этой части были проблемы, иной раз приходилось брать баб силой. Двух танцовщиц из-за этого потеряли. Одну он придушил ненароком, другая уволилась и уехала из города, в Москву вроде бы подалась. Обе ценные девчонки – красивые, танцевали здорово. Но Артемчик все-таки дороже. Потому что нетупой и Свириду предан, к тому же на первые роли не рвался, как некоторые. С ним надежно и спокойно, а еще по душам поговорить можно.

– Клевые, но шлюхи.

– А что, шлюха – не человек? – хмыкнул Артемчик.

– Да как-то слишком все просто...

– Но ты же не комсомолец, чтобы создавать себе трудности?

– Когда-то был комсомольцем. В армии комсоргом роты был... А потом бандитом стал, – загрузил вдруг Свирид.

– Да нет, не был ты бандитом. И я не был. Просто мы дела умели делать...

– Да ладно тебе гнать, бандитами мы были... Сейчас, может, и не бандиты, а раньше... Ну чего сидишь, наливай!

Свирид выпил, попросил сигару, но курить не стал. Взял гильотинку и покрошил ее на мелкие части. С каким-то садистским удовольствием покрошил, хотя и беззлобно. А закурил он обычную сигарету.

– На понтах мы с тобой живем, Артемчик. Кабаки, тачки, шлюхи... А хочется простого борща со сметаной похлебать, чтобы нормальная баба тебя дома ждала. Нормальная баба, а не шлюха...

– Так в чем же дело? Дом у тебя есть, бабу найти можно...

– Где?

– Да где угодно. Вон на улицу выйди, и будет тебе нормальная баба. Подошел, познакомился, все дела...

– А если она шлюхой окажется?

– Ну, тогда в церковь пойти, туда, кстати, клевые телочки ходят. Там какие шлюхи?

– А вдруг?.. Да ты не напрягайся, Артемчик! – засмеялся Свирид. – Ерунда вопрос! Если жениться надумаю, нормальную бабу найду... А мне пора жениться, да?

– Ну, может, и пора.

– Да ты молчи, я у себя спрашиваю, – пренебрежительно махнул он рукой.

Ему и без жены хорошо живется. Почет и уважение от братвы и бизнесменов, собственное дело, деньги, женщины, среди которых порой встречались очень даже приличные особи. Так что страсти по благочестивой девственнице казались ему сопливыми страданиями, ничего, кроме смеха, не заслуживающими.

Но в то же время ему действительно пора обзавестись семьей, законным потомством... Это от него не уйдет... Хотя и неплохо было бы найти красивую девственницу. Про-

сто взять и найти, а потом поймешь чисто для прикола... Ну, и жениться можно. Если желание будет...

Водка смешивалась с наркотой, мысли вязли.

– Артемчик, пойдем прогуляемся!

Он только что сидел в кресле, но вдруг оказался на улице, под фонарями, свет которых растворялся в пучине наступившей ночи. И все-таки набережная освещена хорошо, особенно в районе «Храма Фортуны». Здесь еще и неоновые огни ярко переливаются. И само по себе казино – такое же яркое зрелище. Балконы с балюстрадами, портик с четырьмя колоннами. Только не всем хочется любоваться этой красотой. У парапета набережной Свирид заметил парочку, парень стоял и обнимал за талию стройную длинноволосую девушку в приталенном немодном платье ниже колен. Волосы у нее распущены, но сейчас не каменный век, чтобы ее саму считать распущенной. Скорее она окажется скромницей, нежели шлюхой.

До парочки метров пятьдесят, не меньше, через дорогу переходить надо было, но Свирид был пьян, помнил, как шагнул к ней, и потом, как уже оказался рядом.

Парень обнимал девушку за талию, слегка прижимая ее к себе. Они просто смотрели на реку, по которой шел пассажирский теплоход, очерченный по контуру сигнальными и декоративными огоньками.

– А чего не целуетесь? – спросил Свирид.

Парень вздрогнул, резко повернулся к нему. И девушка

увидела его, испуганно спряталась за спину своего кавалера. Но Свирид успел рассмотреть ее. Красивое у нее лицо, нежность в ней чувствуется и чистота... Именно такая подружка и нужна была Свириду.

– Сгинь! – небрежно махнул он рукой, обращаясь к ее кавалеру.

Совсем еще пацан, смазливый, но мягкотелый, таких на зоне сладкими называют, со всем отсюда вытекающим.

– Как скажете! – испуганно кивнул он и стал уходить, увлекая за собой девушку.

– Эй, а подружку свою оставь! – потребовал Свирид.

– Нет! – мотнул головой парень.

– Я тебе сейчас дам «нет»!

Свирид подскочил к девушке, схватил ее за руку, потянул на себя. Он даже в здравом уме не смог бы подумать, что парень способен вступить за нее, а сейчас тем более такая мысль не могла прийти ему в голову. Потому и потерял он осторожность. За то и поплатился. Парень ударил его кулаком в подбородок так, что ноги вдруг оказались выше головы.

Свирид упал, но к парню подскочил Артемчик. Начальник охраны уже понял, что имеет дело с достойным противником, поэтому не позволил себе расслабиться. Двумя четкими ударами он сбил парня с ног, а Свирид к этому времени поднялся, выдернул из-за пояса пистолет.

– Уйди! – он оттолкнул Артемчика и наставил ствол на

парня.

– Не надо! – в ужасе завизжала девушка.

Но Свирида она остановить не смогла. Он был вне себя от бешенства, потому нажал на спусковой крючок без малейшего колебания...

Глава 3

Ветер весело играл в молодой листве старой липы, время от времени он спускался вниз, чтобы распушить волосы на голове у Глеба, а затем возвращался обратно и ласкал его слух нежным шелестом. Солнце клонится к закату, обагрывая края надвигающейся откуда-то с юга тучи. Дождь собирается, но если он пройдет, то ливнем, смахнув с земли тепло полуденного зноя.

Хорошо в госпитальном дворе, воздух здесь свежий, зелень пышная, газоны аккуратно подстрижены, на клумбах радужные созвездия цветов. И лавочки такие удобные, что подниматься неохота. Но засиживаться Глебу нельзя, ходить ему надо, мышцы застоявшиеся разминать, легкие продувать.

Он поднялся, повернулся спиной к госпитальному корпусу, сделал несколько шагов. Не совсем он здоров, в животе до сих пор болезненное ощущение, голова кружится, а иногда поднимается внутричерепное давление, да так, что встать с кровати невозможно. И все-таки походка у него легкая, хоть бесшумный шаг разведчика выводи.

– Дробов! – услышал он вдруг за спиной знакомый голос.

Ольга Евгеньевна это. И подошла она к нему со стороны больничного корпуса, больше неоткуда.

Глеб погасил восторженную улыбку и повернулся к ней с

постным выражением лица.

– Жаль, – вздохнул он.

– Что «жаль»? – непонимающе спросила женщина.

Еще в апреле он фактически сделал ей предложение. Ольга Евгеньевна в замешательстве вышла тогда из палаты и больше не появлялась. Через день он узнал, что ее отправили в отпуск. Но ведь она гражданский врач, ей не положено гулять отпуск полтора месяца. Лето уже наступило, а она только-только появилась. Значит, где-то пропадала, не желая видеться с Глебом. Как бы то ни было, она здесь – красивая, цветущая, слегка взволнованная.

Она и не скрывала, что рада видеть его, зато Глеб на нее в обиде. Ну, не так чтобы уж очень, но влюбленным дурачком в ее глазах он больше выглядеть не будет.

– Жаль, что бдительность утратил. Я врага должен издали чують, да, видно, нюх потерял.

– Это вы о чем? – растерянно посмотрела на него женщина.

– О том, что издали должен был вас, Ольга Евгеньевна, заметить. А не заметил. Минус мне.

– А я что, враг, чтобы меня издали замечать? – возмущенно спросила молодая женщина.

– Почему «враг»?

– Ну, вы же сказали, что врага издали надо чують. А меня вы не учуюли, выходит, что я враг...

– А разве нет? Бросили меня на произвол судьбы, – без

всякой обиды в голосе сказал Глеб.

– Я в отпуске была.

– Да слышал, – сухо сказал он.

– Вот, вернулась.

Наконец-то! Очень рад! Какое счастье!.. Что-то примерно в этом роде она и желала услышать. Но вместо сладких речей она снова получила горькую пилюлю.

– Да вижу.

– Хотела бы вас осмотреть, – в смятении сказала врач, неловко заламывая кисти рук перед собой.

– Илья Борисович меня осматривал, сказал, что все в порядке. Вот, жив-здоров, хожу и не кашляю.

– И все-таки я настаиваю на осмотре.

Глеб кивнул и направился в корпус, поднялся на второй этаж, лег на койку поверх одеяла. Палата у него двухместная, но старого соседа недавно выписали, а нового пока не подселили.

Ольга Евгеньевна не заставила себя долго ждать. Пришла к нему строгая, официальная, с холодной вежливостью во взгляде. Обычно она ходила с непокрытой головой, даже на улице была без головного убора, а сейчас волосы убраны у нее под голубую шапочку. Она молча под села к Глебу, он задрал майку, ее пальцы мягко коснулись живота. Что она там прощупывала, непонятно, но вид у нее была такой, будто врач не осматривала его, а глядела в душу. Словно хотела знать, что он думает о ней.

– Все хорошо, – размышляя о чем-то волнующем, отстраненно сказала Ольга Евгеньевна.

Обследование она закончила, но руку с живота не убрала. А он лежал в страхе вспугнуть ее неосторожным движением. Может, Глеб и обиделся на нее, но сейчас он готов был забыть все.

– Илья Борисович тоже говорит, что все хорошо. С головой, правда, не так удачно, но это не моя компетенция...

– А что с головой? Я же не дурак.

– Никто не говорит, что вы дурак.

– Вы не говорите, но думаете.

– Я так не думаю, – Ольга Евгеньевна убрала руку и с мягкой укоризной посмотрела на Дробова.

– Вы же решили, что я сошел с ума.

– Когда я решила?

– Когда я признался вам в любви.

– Вы признались мне в любви? – порозовела молодая женщина.

– А разве нет? Я же не мог сделать вам предложение без любви. А я сделал вам предложение...

– Вы ставили мне условие... – Краска окончательно залила ее лицо.

– Условие – дело десятое... У меня есть возможность остаться в Черноземске.

Глеб уже звонил одному товарищу, который мог помочь ему с переводом.

Генерал Поземкин был еще полковником, когда он с ним познакомился. Сам он тогда еще в капитанском чине служил. Было дело, летели они на вертолете с полковником, а машину сбили. Посадка была жесткой, пилоты погибли, но пассажиры выжили, только вот чехи толпой навалились, пришлось отстреливаться. И не было бы сейчас Поземкина, если бы Глеб со своими ребятами не смог бы отбиться. Кстати говоря, мужик он стоящий, стрелял плохо, но «духа» одного все-таки уложил, чем страшно до сих пор гордился. И Глебу без всякой фальши обрадовался, внимательно выслушал его, обещал помочь. Верней, он запросто мог решить эту проблему прямо сейчас, но ведь Глеб еще пока точно не знал, чего хотел. Да и военно-врачебная комиссия не дала своего заключения. Официальное решение его волновало мало, главное, самому решить, готов он к службе без всяких ограничений по здоровью или нет. Если да, то в свою часть он вернется обязательно.

– Надо будет, останусь. Только дело не в этом.

Глеб смело смотрел на Ольгу Евгеньевну, а она в смущении отводила глаза и пальцами теребила пуговку на своем халате.

– Мне так просто Черноземск не нужен. Мне Черноземск нужен с вами.

Он протянул к женщине руку, ладонью накрыл ее беспокойные пальцы. Ольга Евгеньевна даже не шелохнулась. Теперь она, казалось, боялась его испугнуть.

– Если вы захотите быть со мной, то я останусь с вами. Такое вот условие. И не в нем дело, а в том, что я к вам чувствую. А у меня есть к вам чувство. Я даже объяснить его не могу, потому что оно такое огромное, словами не охватишь...

Ольга Евгеньевна вдруг вздрогнула, одернула руку, насто-роженно, сквозь нахмуренные брови глянула на него, резко поднялась и, приложив два пальца одной руки к векам, вышла из палаты.

Глеб с тоской посмотрел ей вслед. Как бы она снова на месяц-другой не исчезла...

Но появилась она в тот же день, вечером, после ужина. Глеб лежал на койке, перелистывал газету, когда молодая женщина скорым шагом вошла в палату. Халат нараспашку, сарафан на ней из нежной полупрозрачной ткани, совсем не короткий, со скромным декольте, но смотрелась она в нем очень сексуально.

– Я говорила с Вадимом Сергеевичем... – на одном выдохе выдала она, но запнулась и отвела в сторону взгляд.

Щеки у нее некрасные, но волновалась она сильно.

– Он сказал, что с ума вы не сошли.

– И что?

Глеб сел, чтобы не разговаривать с ней лежа. Ведь сейчас же не осмотр. И она села рядом с ним, положив ладони на колени, и без того прикрытые сарафаном.

– И ведете вы себя не как сумасшедший... Вы ведете себя,

как тот кобель, который заманивает...

Она не договорила, потому что Глеб вдруг обнял ее за плечи, повернулся к ней лицом и поцелуем накрыл ее губы. Она дернулась, ударила мягко сжатым кулачком по спине, но тут же затихла. А когда Глеб отстранился и она пришла в себя, то возмущенно спросила:

– Зачем вы это сделали?

– Чтобы легче было продолжать разговор. Такие разговоры издавна не ведутся, тут сближение нужно, – с улыбкой, но серьезно сказал Дробов.

– Какие разговоры?

– О любви. Полюбил я тебя, Ольга. И совсем я не кобель...

Если хочешь знать, у меня после жены никого больше не было...

– Ты женат?

– Был... Я по горам в Первую чеченскую бегал, а она без меня горевала. Ну, нашелся один, утешил... Она честно все рассказала, я даже козла этого искать не стал. Просто развелись, и все...

– Не жалеешь?

– О чем? Это все еще в прошлом тысячелетии осталось.

Вот, в новую эру вступили...

– Говорят, новое тысячелетие в две тысячи первом году наступает...

– По-твоему, Иисусу Христу один год был, когда он родился? Нет, он как все, с ноля родился. А впрочем, какая

разница? Главное, что моя новая эра с тебя началась... Хотя не факт, что она продолжится.

– Почему?

Молодая женщина сделала движение, будто собралась прильнуть к нему, но сдержала порыв и лишь слегка коснулась его плечом. Зато Глеб стесняться не стал и обнял ее за талию. Возражений не последовало.

– Вдруг я тебе не нужен?

– Как это «не нужен»? Ты мой пациент...

– Я должен быть твоим любимым пациентом.

– Ты такой быстрый...

Ольга повела бедрами, собираясь отодвинуться от него, но, видно, не стремилась она к этому, поэтому попытка не могла удалиться, даже если бы Глеб не удерживал ее.

– Жизнь у меня короткая, поэтому приходится действовать быстро, без раскачек. Поставил перед собой задачу – и вперед, на штурм...

– Почему жизнь у тебя короткая?

– Потому что убить в любой момент могут. В боевой обстановке одним днем живешь, не знаешь, что завтра будет...

– Но здесь же не боевая обстановка.

– Да, но меня убили. На войне выжил, а здесь стрела в сердце. Если ты со мной, то я от тебя никуда не уеду...

– Я тебе даже ответ не дала, а ты уже все устроил...

Глеб снова прильнул к молодой женщине, поцеловал в губы. На этот раз он не отпускал ее, пока не уложил на спину.

Тогда Ольга сама уже запротестовала, ударила его кулаком в спину, коленкой пнула в бедро. Ну да, палата изнутри не закрывается, еще зайдет кто-нибудь.

Дробов отпустил ее, Ольга поднялась, руками одернула полы халата. Голову не поднимала, в глаза ему не смотрела. А когда Глеб подошел к ней, ладонями обняв ее за плечи, она еще ниже опустила голову.

– Я люблю тебя, – сказал он. – И хочу быть с тобой.

– А если я замужем?

– Не замужем.

– Откуда ты знаешь? – удивленно и с нежностью посмотрела на него Ольга.

– Я же разведчик, – хитро улыбнулся Дробов.

– Хочешь сказать, что добрался до моего личного дела?

– Я разведчик, а не шпион... Во-первых, ты не из тех женщин, которые могут изменить своему мужу. Во-вторых, у тебя нет обручального кольца. А в-третьих... – Он нарочно затянул паузу.

– Что «в-третьих»? – не вытерпела Ольга.

– Ты замужем?

– Нет.

– А в-третьих, ты сама во всем призналась...

На самом деле Глеб наводил о ней справки, для этого ему пришлось проникнуть в кабинет начальника госпиталя. Дверь у него солидная, из массива дуба, но замок там хлипкий, шпилькой открыть можно. А то, что печать сорвать при-

шлось, так это не страшно. Ну, поднял бы он тревогу на следующее утро, и что?..

– Может, ты знаешь, сколько мне лет?

– Если судить по тому, как ты выглядишь, то лет двадцать. Но так не бывает. Ты врач, ты училась как минимум шесть лет. И стаж работы у тебя есть...

– Мне двадцать девять.

– Значит, в сорок ты будешь выглядеть на тридцать. А в пятьдесят – на тридцать пять. Меня это вполне устраивает...

– Я уже была замужем, у меня есть ребенок.

– И ей шесть лет...

– Ты и про мою дочь знаешь?

– Я догадался.

– Все-таки ты смотрел мое личное дело.

– Ты можешь меня зарезать, ты можешь меня задушить, ты можешь просто оставить меня без своей любви, – повинно склонил голову Глеб. – Для меня в равной степени смертельно все. Хотя лучше зарежь меня. Или задуши...

– В моем личном деле ничего не сказано про моих мужчин, – Ольга ладонями взяла его за щеки, подняла голову и посмотрела ему в глаза, ожидая упреков в свой адрес.

– Зачем ты это мне говоришь?

– Я хочу, чтобы ты все знал.

– Что было, то было...

– Но в одном ты прав, я никогда не изменяла своему мужу... – сказала Ольга и сама поцеловала его в губы.

Молодая женщина усадила Глеба на кровать, будто собираясь забраться к нему на колени, но вместо этого мягко толкнула в грудь. Он лег на спину, а она повернулась к нему спиной и, ничего не говоря, ушла...

Вернулась она ночью, тихонько прошла в палату, плотно закрыв за собой дверь. Лунный свет серебристым шлейфом вился от окна, обтекая Ольгу и создавая вокруг нее магическое сияние. И когда она скинула халат, стала похожа на русалку. Ее тело серебрилось, как чешуйчатый хвост этого мифического создания. Она нырнула к Глебу под одеяло, и он ощутил ее нежную кожу.

– Ничего не спрашивай, – прошептала Ольга, целуя его в губы, щеки.

Он ничего и не спрашивал. А зачем, если ответы на все вопроса она могла дать на языке тела? Под халатом у нее ничего не было, значит, она знала, зачем шла. Она извивалась под ним, ее спина мелко дрожала от желания, дыхание жаркое, чувственное, внутри все горит. Значит, женщина она страстная и охочая до крепких мужских ласк. Да и привычная, что уж тут говорить. Хорошо это или плохо? На этот вопрос Глеб ответа не искал. Сейчас он безмерно рад нахлынувшему вдруг счастью, а чем оно обернется для него – покажет время...

Глава 4

Стирка белья – дело сложное. Берешь печную золу, заливаешь ее водой, отстаиваешь и получаешь мыльный раствор, замачиваешь его с бельем, которое потом до судорог в мышцах таскаешь по стиральной доске, затем полощешь в холодной речной воде до посинения губ. Так было давно. Стиральная машинка с ручными валками для отжима белья, ванна с проточной водой, полоскание, сушка – это технология вчерашнего дня. Почему? Да потому что у Глеба есть деньги для современной стиральной машинки; «боевые» за полгода получил, а это сумма немалая. Забрасываешь белье в барабан, задаешь режим, включаешь сушку – и, пожалуйста, через пару часов получаешь готовый продукт.

– Жаль, утюга в машинке нет, – сказал он, понюхав ароматно пахнущую, еще теплую тельняшку.

– Ничего, я тебе поглажу, – улыбнулась Ольга и мягко ткнулась лбом в его плечо.

Из госпиталя его выпишут на днях, затем отправят в санаторий, только он никуда не поедет, потому что Ольга свой отпуск уже отгуляла. Военно-врачебная комиссия свой вердикт еще не выносила, но и без нее Глеб уже чувствует, что не сможет работать в горах на прежних условиях, а воевать вполсилы – это верная смерть. А он не желает умирать, потому что с ним Ольга, и ему вовсе не хочется покидать этот

маленький уютный мирок, в который она его впустила.

– Не тебе, а тебя, – поправил он ее. – Меня надо гладить, а со своей тельняшкой я сам как-нибудь справлюсь. И белье все переглажу. Только не сейчас. Завтра. Когда ты на работе будешь. А сейчас нам нужно машину на «интимном» режиме опробовать...

В барабане крутилась вторая, уже непробная партия белья. Стирка идет, вода плюхает, машинка недовольно ворчит, слегка подрагивая.

– Нет такого режима. Деликатный есть.

– Ты плохо читала инструкцию.

– Ты что делаешь? – засмеялась Ольга, когда он усадил ее на стиралку.

– Инструкцию будем учить. Я буду преподавать, а ты – получать удовольствие от знаний... А трусики надо в стирку... И халат... И тебя...

– Я тебя убью... – закрывая глаза, тихонько и сладко простонала Ольга.

Глеб включил заданный режим, увеличил обороты, и стон усилился. А тут еще машинка вдруг заработала на отжим. Барабан закрутился с бешеной скоростью, корпус крупно завибрировал, и стон перерос в настоящий крик души. Ольгу затрясло изнутри, она спазматически обжала ногами его бедра, ногтями вцепилась в спину. Барабан прекратил вращаться, машинка успокоилась, послышался шум заливаемой воды. Расслабилась и Ольга и щекой прижалась к его шее.

Она уже получила свое, и, судя по всему, сверх нормы – ей сейчас все равно, что делает Глеб. Но ничего, еще чуть-чуть – и она снова заведется...

Но вдруг зазвенел звонок.

– Пошли все! – пьяная от удовольствия, махнула Ольга рукой.

Глеб думал точно так же. Но в дверь позвонили снова, и это заставило его форсировать события.

Торопился он не очень, и между вторым и третьим звонком прошло несколько минут. Кто-то настаивал на встрече с Ольгой. Это была ее квартира, поэтому гости могли пожаловать только к ней.

– Может, Варвара Павловна? – у самой себя спросила она. – Может, Юлю привезла...

Ольгину дочь забрала на лето бывшая свекровь. Варвара Павловна очень любила свою внучку, чуть ли не силой отрывала ее у матери, чтобы поселить у себя на даче. Но иногда на нее находило, и ни с того ни с сего она могла отправить Юлю домой, к матери, да еще и оскорбить при этом Ольгу. Дескать, твоя дочь, ты ею и занимайся и нечего перекладывать свои обязанности на кого-то...

Ольга порывисто поднялась, но едва удержалась на ослабленных от истомы ногах. Просела в коленях, выпрямилась, рукой подперев бок, застегнула халат, после чего торопливо направилась к двери. И Глеб заправился, но прошел на кухню. Не хотел он, чтобы его видела гостья. Ведь он же не

муж Ольге, а всего лишь сожитель. Она, конечно, имела право впускать его в свою жизнь, но Варвара Павловна и без того не жаловала бывшую невестку, а тут еще мог появиться лишний повод причислить ее к числу падших женщин.

Но в прихожей послышался мужской голос:

– Привет!

Кто-то переступил порог, послышался шорох, по-видимому, Ольга увернулась от мужских объятий. Глеб не видел, но догадывался о том, что происходит в прихожей.

– Ты чего такая дерганая?

– Отстань!

– Да ладно тебе, отстань!

Глеб вышел в прихожую и увидел, как высокий, отнюдь не хилого сложения мужчина нависает над Ольгой. Она вжималась спиной в стену не в состоянии сместиться влево-вправо так, чтобы не наткнуться на его вытянутые на всю длину руки. Он не касался ее, но его длинный с горбинкой нос едва не тыкался ей в лоб. И еще он дышал ей в лицо.

– Тебе же сказали, отстань.

Глеб прихватил с собой полотенце и сейчас неторопливо наматывал его на кулак. Это был своего рода угрожающий жест, призванный победить противника, не вступая с ним в драку. Есть такой элемент в философии восточных единоборств: смог предотвратить схватку силой бесконтактного воздействия – считай, победил.

Когда-то Глеб всерьез занимался карате, причем в под-

польной секции. Их тренер, Александр Владиславович, проповедовал жесткий контактный стиль, но не закрывал глаза на философские аспекты восточного учения. Были у них в секции ребята, которые закаляли свои знания на стороне, в школьной драке, в заварушке на дискотеке, их Александр Владиславович отчислял безжалостно и бесповоротно. Давно все это было, но табу на бесконтрольное применение силы осталось.

– Не понял, а это кто?

Гость оставил Ольгу в покое, развернулся к нему лицом.

Мужчина был примерно одного возраста с Глебом, но кожа на лице не так обветрена непогодами, продублена морозами. Нежная у него кожа, гладкая как атлас. Это результат нехватки мужских гормонов. Иногда Глеб завидовал людям с таким типом кожи, потому что они могли не бриться неделями, поскольку волосы на лице росли очень медленно и были тонкими.

Но какой бы ни была кожа у этого мужчины, выглядел он отнюдь не женоподобно. Лицо крупное, черты четкие, но тяжеловесные, мощная шея, не очень широкие, но рельефные литые плечи. Носил он дорогой облегающий батник, чтобы хорошо просматривались накачанные грудные мышцы и плоский живот. И рукава короткие – развитые бицепсы эффектно бугрятся. Глаза у гостя синие, взгляд глубокий, пронзительный. Высокий он, стройный, отлично сложен, в глазах магнетическая сила, способная покорить слабую женщину...

Светлые стильные брюки на нем, дорогие туфли, пояс. Часы на руке красуются; похоже, настоящие швейцарские – уж больно они хорошо смотрятся. Хотя сейчас и подделка выглядит не хуже подлинника.

Впечатление портил подбитый глаз и рассеченная хлестким ударом губа. Сняк затушеван тональным кремом, но все равно заметен. Впрочем, вряд ли бы Ольга прогнала его из-за разбитой физиономии. Если бы не Глеб, она бы, возможно, приняла гостя с распростертыми объятиями. Это или ее бывший муж был, или один из череды любовников. О своих мужчинах она поведала ему в общем, в частности не вдавалась, да Глеб и не пытался их выпытать. Все, что было, – в прошлом, а сейчас должен быть только Глеб. Но так уж вышло, что этот мужчина вдруг вклинился в их жизнь.

– Глеб меня зовут. Мы с Олей собираемся пожениться. Я думаю, этого хватит, – сухо и невозмутимо сказал он.

– Кому «хватит»? Чего «хватит»?

С агрессивной ухмылкой мужчина шагнул к нему, но Ольга взяла его за руку, и он остановился.

– Валентин, не надо.

– Не надо, Валентин, – покачал головой Глеб. – Ты должен понимать, что для тебя здесь места нет.

– А если я вышвырну тебя со своего места? – презрительно скривился мужчина.

Валентин был чуть ли не на голову выше, чем Ольга, Глеб же был с ней примерно одного роста. Да и в мышечной массе

он уступал незваному гостю, потому тот и не видел в нем серьезного противника. И татуировка летучей мыши на фоне эмблемы ВДВ ему ни о чем не говорила.

– Ты умеешь драться? – с непроницаемо спокойным лицом спросил Глеб.

– Хочешь убедиться? – Валентин провел правой ладонью по левому предплечью, будто закатывая рукава.

– Не хочу. Дело в том, что я не умею драться.

– Да ну!.. Так я тебя научу! – Мужчина закатил несуществующий рукав и на правом предплечье.

– Я умею только убивать.

Глеб не пытался изображать из себя крутого парня, он просто смотрел на Валентина глазами человека, ничуть не сомневающегося в силе своих слов и суждений. Он не боялся этого недалекого буяна, потому что полностью контролировал обстановку. На любое действие он мог предпринять куда более жесткое противодействие. Даже в состоянии ограниченной годности к военной службе он мог постоять и за себя, и за Ольгу.

Занятия карате времен его школьной молодости могли показаться детской забавой по сравнению с тем, чему научила его армия. В Афгане он рыскал по горам в поисках караванов, в составе разведывательно-диверсионных групп ставил на них засады, уничтожал. Там его многому научили. Затем был факультет спецназа в Рязанском военном училище ВДВ, после – служба в особом подразделении, первая война

в Чечне, вторая. Да и в промежутке между этими войнами приходилось выполнять секретные задания на территории, занятой врагом. Для разведчика гораздо важнее быстрые и бесшумные ноги, чем рукопашный бой, но и без этого тоже никуда. К тому же приходилось выполнять и диверсионные задания, где врага предполагалось не только найти, но и уничтожить. И далеко не всегда в ход шло огнестрельное оружие...

– Где ты этого клоуна нашла? – в замешательстве, невольно отступив на шаг, с нервной насмешкой спросил у Ольги гость.

И еще он смотрел на полотенце, которое Глеб сматывал с кулака. Он вдруг всерьез решил, что его собираются им задушить.

– Глеб не клоун, – мотнула головой Ольга. – Он разведчик. Он воевал. У него боевые ордена...

– А-а! Так ты из госпиталя его притащила? – истерично хохотнул гость.

– Валентин, приходи через годик, – спокойно сказал Глеб. – Я освоюсь в мирной жизни, отвыкну от войны, стану мягче... Может, я даже помогу тебе разобраться с твоими обидчиками.

– Какие обидчики?! – возмущенно и с капризными нотками в голосе взвыл он.

– А те, которые у тебя под глазом отметились.

– Да пошел ты знаешь куда?

Валентин психанул, повернулся к Глебу спиной и порывистым шагом вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

– И что это было? – усмехнулся Глеб.

Он нарочно добивался того, чтобы насмешка не казалась презрительной и потому оскорбительной для Валентина. Не солидно это, глумиться над убогим...

– Валентин это был...

Прижимаясь спиной к стене, Ольга сделала шаг вперед, увеличив тем самым угол наклона своего тела. И голова ее вниз по стене стала съезжать, и ноги в любой момент могли заскользить по полу. Но, казалось, она нарочно это делает, чтобы Глеб подхватил ее на руки, удержал. Возможно, Ольга интуитивно, на уровне своего женского восприятия хотела показать, что нуждается в сильной мужской руке.

– Понятно.

Мягким движением ноги он провел подсечку, совсем лишив Ольгу равновесия, но упасть ей не позволил – подлез под нее и перебросил безвольное тело через плечо. Отнес в единственную комнату, бережно сгрузил на диван.

– Спасибо, – закрывая глаза, тихо и благодарно сказала она. – Лежать бы так и лежать... С тобой так хорошо, что... С тобой очень хорошо...

– Что?

– Ты о чем?

– Ты сказала, со мной так хорошо, что... Вот я и спрашиваю, что?

– Ничего, – не открывая глаз, повела она головой в сторону от Глеба.

– И Валентин – тоже ничего?.. Нет, я, конечно, не должен лезть в твои дела. Но все-таки интересно, врывается к тебе какой-то мужик, ставит тебя к стенке... Может, он твой бывший муж, а я ничего не знаю.

– Моего бывшего мужа зовут Роман. А это Валентин... Да, у нас были отношения, но все уже позади... Мы расстались, но он не хочет этого понять... А ты что, правда не умеешь драться? – спросила она для того, чтобы сменить тему.

– Ну, пару раз вполсилы смогу ударить. А там не знаю, могут включиться рефлексy. Я не думаю, что твоему Валентину хватит навыков против них... Он что, туризмом занимается?

– Да. Говорит, что хочет быть в форме...

– Похвальное желание. Только форму ему все равно набили.

– Значит, заслужил, – без сочувствия, даже с каким-то злорадством, сказала Ольга.

– А чем он занимается?

– Адвокат он.

– И часто ему... э-э, форму бьют?

– Да нет, не очень. Мы с ним год встречались, за все время впервые... Я не хочу о нем говорить... Я хочу говорить о нас... Это правда, что мы собираемся пожениться?

– А разве нет?

– Хорошо, что да... Поверь, я буду верной женой. И никаких Валентинов в ней больше не будет.

Ольга поднялась с постели, поцеловала Глеба в щеку и отправилась на кухню. Все правильно, лирика – лирикой, а ужин по распорядку.

Глава 5

Одна тапочка лежала на лестничной площадке, другая – в прихожей, на смятой дорожке, рядом с оторванной пуговицей. Дверь нараспашку, на кухне от сквозняка надувается тюлевая занавеска на окне, на плите в кастрюльке варятся макароны. Ольги нигде нет.

Глеб озадаченно поскреб затылок. Ничего себе за хлебушком сходил! Всего двадцать минут его не было, и вдруг такое. Не могла Ольга уйти из дома, не выключив плиту. Да и сумочка ее висит на месте, туфли тоже там. К тому же тапочки сброшены не просто так, и пуговица от халата оторвалась не сама по себе. Коврик опять же смят. Кто-то схватил Ольгу, она пыталась вырваться, но сил у нее не хватило. Пуговица оторвалась, с ноги слетела правая тапочка, а когда ее вытащили на лестничную площадку, она потеряла и левую.

Глеб бросился вниз, к скамейке, где обычно сидели словоохотливые и любопытные старушки, но, как назло, никого там не было. Погода сегодня не очень, прохладно, ветер, дождик крапывает, потому по домам бабульки сидят. Парень с длинными волосами домой торопится, гитара у него зачехленная на плече. Этот видеть ничего не мог, потому что далеко он был отсюда в момент похищения. А ведь похитили Ольгу. Значит, надо звонить в милицию.

Наряд патрульно-постовой службы прибыл минут через

двадцать. К этому времени Глеб уже успел поговорить с женщиной, что жила на первом этаже в одном подъезде с Ольгой.

Пузатый, в годах старший лейтенант с высокомерным скучающим лицом неторопливо вышел из машины, поправил кобуру, съехавшую к самому копчику. Наверняка он мечтал о банке пива, тараньке и кресле перед экраном телевизора, а о службе думал меньше всего, а тут какой-то жалкий обыватель со своими проблемами, и надо делать над собой усилие, чтобы расшевелить в себе хотя бы одну извилину. Вслед за ним из «уазика» выбрался длинный – как оглобля – сержант с автоматом на плече. Этот с любопытством и живо глянул по сторонам, как будто желая обнаружить преступников. При этом автомат свалился с плеча, и ему пришлось присесть, чтобы поймать его у самой земли. Нескладный он, неловкий.

Глеб уверенно шагнул к машине, старший лейтенант пытливо глянул на него.

– Вы наряд вызывали? – нарочито басом спросил он.

– Я милицию вызывал. У меня невесту похитили.

– Документы?

– Чьи документы? – не понял Глеб.

– Ваши документы.

– Зачем вам мои документы?.. Хотя если так надо... Дома документы...

Глеб зашел в подъезд, поднялся на второй этаж, переступил порог квартиры. Старлей последовал за ним, по пути

ненарочно пнув лежавшую тапочку.

– Что вы делаете? – косо глянул на него Глеб.

– А что я делаю? – удивленно и с возмущением на сделанное замечание спросил начальник наряда.

– Тапочку вы пнули. Эту тапку Ольга потеряла, когда ее вниз тащили.

– Кто ее вниз тащил?

– Не знаю.

– Откуда ее тащили?

– Из квартиры... Я в магазин пошел, возвращаюсь, а дверь нараспашку. Тапочки валяются, пуговица от халата оторвана... Похитили Ольгу.

– Документы!

Вид у старлея был такой, как будто он собирался зевнуть во весь рот. Так ему интересна была эта история с похищением, что в сон потянуло.

– Дались вам мои документы, – с недовольным видом качнул головой Глеб.

Он прошел в комнату, и офицер последовал за ним, наступив при этом на вторую тапочку. Запустили слона в посудную лавку...

Глеб достал из шкафа свое удостоверение, протянул милиционеру.

– Дробов Глеб Александрович... Военный?

– Да, майор.

– Точно, майор... Командир роты, – вычитал в документе

старлей. – Майор? И всего лишь рота?

– Так вышло, – пожал плечами Глеб.

Он не стал говорить, что вся их бригада состоит всего из пяти рот, в которой служат одни контрактники. Как не стал объяснять ценность такой роты, сопоставляя ее, например, с мотострелковым полком. Все равно ведь не поймет. Хотя бы потому, что нет у него желания шевелить извилинами.

– А прописка где?

– Какая прописка? Это удостоверение личности!

– А паспорт где?

– Нет паспорта. В части он.

– В какой части?

– По месту постоянной дислокации. В Чечне меня ранили, сюда в госпиталь доставили...

– Значит, неместный вы, Глеб Александрович? – С каким-то непонятным злорадством старлей хлестко шлепнул гибкими корочками удостоверения по своей ладони.

– Неместный.

– А в этой квартире вы что делаете?

– Живу.

– С кем?

– Со своей невестой.

– Что-то я не пойму, вы лечиться приехали или жениться?

– Одно другому не мешает.

– Может быть, может быть... А квартира чья?

– Моей невесты. Зовут ее Ольга Евгеньевна, фамилия Со-

ломенцева.

– И где она?

– Как «где»? Похитили ее!

– Кто?

– Не знаю!

– Зачем?

Глеб в недоумении посмотрел на старлея.

– Не знаю.

– Кто похитил, не знаете. Зачем похитили, тоже не знаете... – осуждающе покачал головой начальник наряда. – Странно все это.

– Конечно, странно. Или у вас каждый день людей похищают?

– А вот острить не надо, майор! Не в твоём положении острить... Собирайся!

– Куда?

– В отделение. Показания будешь давать.

– Какие показания?

– А такие, куда невесту свою дел... Думаешь, вокруг дураки, никто ничего не понимает? Только нет у нас дураков, мы таких умников, как ты, быстро на чистую воду выводим!

– Какая чистая вода? О чем это вы?

– Давай собирайся!

Старший лейтенант грубо схватил Глеба за рукав. Можно было бы взять его на прием и ткнуть носом в пол, но ни к чему обострять ситуацию. Глеб просто вырвался из этого

неуверенного захвата, отступил на шаг.

– Только без рук. Я сам.

Офицер кивнул и снял с пояса стальные браслеты. Глеб вздохнул, но руки под них протянул.

Он вышел из квартиры, закрыл дверь на ключ, спустился к машине. Сержант по приказу своего начальника открыл для него заднюю дверь, и Глеб оказался в зарешеченном отсеке для перевозки преступников. Не надо было ему звонить в милицию, ведь знал же он, что с ментами лучше не связываться. Иметь с ними дело – все равно что свинью стричь: визгу много, а шерсти нет.

Глеба доставили в отделение, закрыли в камере с решетчатой стенкой, через которую из дежурной части было видно, что происходит внутри.

Глава 6

Стриженный под горшок парень взял Глеба за руки, ловким движением сунул ключ в замочную скважину, разомкнул стальные браслеты.

– Извини, майор, дураков у нас хватает, – виновато сказал он, кивком показав на стул с тыльной стороны своего стола. – Так же, как и в армии. Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона...

Высокий он, крепкий, но какой-то по-деревенски угловатый, сутулый. Черты лица крупные, грубые, простоватые. Но деревенщиной парень не выглядел. Не простой у него взгляд, умный, цепкий, анализирующий. Да и одевался он хорошо. Даже слишком хорошо для опера. Стильный джинсовый костюм на нем, под воротником куртки на сильной шее просматривалась золотая, из крупных звеньев цепь. Кроссовки дорогие, кожаные, с высокой пружинистой подошвой, в таких очень удобно ходить и бегать. А должность у него такая, что его ноги кормят. Оперуполномоченный уголовный розыска капитан Гречихин.

– Дорощенко у нас особо умный, решил палку на тебе срубить. Дескать, это ты свою невесту похитил, – усмехнулся опер.

– Зачем это мне?

– А квартира? Ты ищешь свою невесту, а сам этим време-

нем в ее квартире живешь. Сам же ты неместный.

– Я так понимаю, Дорощенко сам по себе судит? – едко спросил Глеб.

Какое-то время Гречихин смотрел на него озадаченно, затем недобро усмехнулся:

– Зря ты так, майор. Дорощенко тупой, но неподлый.

– Мне все равно, какой он. Мне Ольгу найти надо.

– Невесту твою?

– Невесту.

– Как ты... – капитан кашлянул, пальцами огладил кадык, сглотнул слюну. – Как вы познакомились со своей невестой?

Он сел за стол, взял удостоверение Глеба, заглянул в него для видимости.

– Очень просто. Она мой лечащий врач. Она же меня и оперировала.

– Ранение?

– Не повезло.

– Значит, вы сошлись со своим лечащим врачом?

– А что здесь такого?

– С какой целью сошлись?

– С целью убить и присвоить ее квартиру... Ты это хочешь услышать, капитан?

– А давайте обойдемся без грубостей, майор, – скривился Гречихин. – Я понимаю, нервы, но ведь я же не просто так спрашиваю... Вот у тебя шрам на голове имеется...

Пуля лишь чиркнула по голове, но кусок черепной ко-

сти все-таки выключула. До титановой пластины дело не дошло, рана затянулась и так, тем не менее шрам уродливый, на жирного паука с короткими лапами похож. Однако рубец волосами порос, в глаза он не бросается. Однако у капитана особый взгляд, ментовской.

Гречихин потянулся к голове Глеба, коснулся пальцами его волос, раздвигая их:

– Свежий шрам. Чечня?

– Она самая.

– Пулевое ранение, осколочное?

– Пулевое.

– Это серьезно... Может, не было никакого похищения?

Глеб внимательно посмотрел на оперативника, усмехнулся и с сарказмом сказал:

– Не было ничего, капитан. Померещилось мне все. У меня же контузия, галлюцинации.

Он уже понял, что никто Ольгу искать не станет. Дорошенко роль дурного мента играет, этот хорошим, добрым прикидывается, но желания работать нет ни у того, ни у другого.

– А вдруг? – Капитан с ироничным видом сощурился, давая понять, что раскусил его игру.

– Считай, что ничего не было, капитан.

– «Считать» или «не было»?

– Да не бойся ты, заявления не напишу.

– А чего ты так быстро сдаешься?

– Капитан, меня в чем-нибудь обвиняют?

– Нет, – в раздумье вытянув губы, вяло пожал плечами Гречихин.

– Тогда я пойду, – Глеб поднялся со стула, но капитан махнул рукой, осаживая его.

– Да погоди ты! Может, я тебе верю, – он легонько постукал себя пальцем по правой половине головы. – Тут верю, тут не верю...

– А не надо в ромашку играть, верю-не верю, надо соседей опросить, может, кто-то что-то слышал или даже видел. Кто-нибудь из ваших этим занимался? Нет. А я женщину нашел, соседку, она и слышала, и видела. Слышала, как Ольга на помощь звала, потом из окна наблюдала, как ее в машину заталкивают.

– Ну да, ну да, – всматриваясь в Глеба, закивал Гречихин.

Он мог бы спросить, какой марки была машина, что за люди усаживают в нее Ольгу. Нет, это ему неинтересно. Впрочем, Глеб и не знал ответы на эти вопросы. Соседка смогла запомнить только то, что автомобиль был легковой, черного цвета, вроде бы иностранного производства, а людей в лицо она не запомнила. Крепкие парни – бритые головы на мощных шеях, широкие плечи. В темных костюмах они были.

– Соседка видела? – не без сарказма спросил капитан.

– Соседка.

– А как соседку зовут?

– Зинаида Валерьевна.

– А лет ей сколько?

– Не спрашивал, но что-то около пятидесяти.

– Когда вы с ней познакомились?

– Сегодня.

Глеб, рассердившись, стиснул зубы. Он понял, куда клонит капитан, поэтому решил больше не отвечать на его, мягко говоря, неумные вопросы.

– А невесте вашей сколько было лет?

– Паспорт у нее дома остался.

– И все-таки?

– Меня в чем-то подозревают? – тяжело глянул на капитана Глеб.

– Нет.

– Значит, я не обязан отвечать на ваши вопросы.

– Ну, в общем, нет... Просто интересно, было похищение или нет, – всматриваясь в Дробова, сказал капитан.

– Я же сказал, что ничего не было.

– А если было?

– Хорошо, я сейчас напишу заявление, но вам тогда придется его зарегистрировать... Писать заявление?

Гречихин пожал плечами. Дескать, он и не прочь принять заявление, но все-таки будет лучше, если майор его не подаст.

– Я вам все рассказал, что знаю. Все, мне больше нечего сказать...

Глеб поднялся, но капитан остановил его в дверях.

– Что вы собираетесь делать? – спросил он.

– Ничего. Ведь похищения не было. Показалось мне, померещилось. Может, Ольга уже и дома.

– А как же ваша соседка?

– И соседка моя дома, – усмехнулся Глеб.

– Это понятно... Ваша соседка что-то видела.

– Да нет, ей тоже померещилось...

– Тяжелый случай.

– Вот и я думаю, что мне к лечащему врачу обратиться надо...

– Да нет, не к врачу пойдешь. Ты свою Ольгу искать будешь. Я же вижу, майор, что ты на это настроен... Давно ты ее знаешь?

– С тех пор как из комы вышел. Она меня с того света вытащила...

– Я так понял, она врач, работает в госпитале...

– Правильно понял, капитан.

– Что там за машина была, куда ее затолкали?

– Черная иномарка. Какой марки, я не знаю. Там крепкие ребята были, бритоголовые, в костюмах...

– Это соседка так сказала? – в раздумье спросил Гречихин.

– Соседка.

– Лица она, конечно, не разглядела.

– Почему «конечно»?

– А потому что эти лица могут сделать так, что ее саму

никто никогда не сможет разглядеть. Закопают, и земля ей пухом... Раньше у нас бандиты зверствовали. Сейчас бандитов поменьше стало, зато всяких там служб безопасности развелось, охранных фирм. В общем-то, те же бандиты, но под вывеской бизнесменов. Хотя есть бизнесмены, которые бандитами никогда не были, сами от них терпели, зато сейчас крылья расправили, зла от них столько... Ну да ладно, все это слова... Ольга твоя замужем?

– Как она может быть замужем, если мы собирались пожениться? Но раньше была.

– Про ее бывшего мужа знаешь?

– Знаю.

– Чем он занимается?

– Ремонтом квартир. Бригада у него своя, квартиры они отделявают.

– Не велика птица...

– Мужчина у нее до меня был. Он адвокат...

– Адвокат? А по каким делам, по гражданским или уголовным?

– Не знаю. Валентином его зовут. Высокий такой, накачанный. Интеллигентной внешности, с атлетической фигурой, одевается стильно...

– Высокий... С атлетической фигурой... – себе под нос проговорил Гречихин. – Валентин... А фамилию не знаешь?

– Нет.

– Да ты присядь, майор, чего стоишь, как неприкаян-

ный?.. Посиди немного, а я сейчас, – сказал капитан, выходя из кабинета.

«Сейчас» растянулось минут на двадцать. Гречихин вернулся в кабинет, сел и выложил на стол фотографию мужчины. Глеб помнил Валентина самодовольным напыщенным болваном, которого ничуть не смущали синяк под глазом и разбитая губа. На снимке же он видел перед собой растерянного, испуганного, придавленного жизнью мужчину. И снимал его, похоже, милицкий фотограф.

– Узнаешь?

– Узнаю.

– Ты когда сказал про интеллигентную внешность и атлетическую фигуру, я сразу на Федорина подумал. Адвокат Федорин, широко известная в узких кругах личность.

– И чем он известен?

– Личный адвокат Дмитрия Никитича Свиридова, криминального авторитета по кличке Свирид. Надо сказать, очень толковый адвокат. И Свиридова два раза из тюрьмы вытягивал, и его бандитам помогал... А в прошлом году его самого пришлось выручать. Человека избил до полусмерти. Он же крутой, – презрительно скривился Гречихин. – Спортом занимается, с бандитами вась-вась, ничего не боится. Такой крутой, что пацана шестнадцатилетнего не испугался. Тот мимо его машины на велосипеде проезжал, бампер педалью зацепил, так Федорин его за это чуть не убил. Родители заявление подали, мы меры приняли. Он сначала тут перед нами

пальцы веером выбрасывал, а потом понял, что дело – дрянь, соплями своими у нас все полы измазал... Правда, потом прокурору жалобы писал, в собственную безопасность жаловался, даже в Москву настрочил. На милицейский произвол жаловался, избивали мы его тут, пытками показания выбивали, хотя не было ничего подобного... Свирид на родителей пацана надавил, заявление забрали, а тот сказал, что Федорина никогда не видел. В общем, обычное дело... Федорина выпустили, и он дальше кровь нам портить стал...

– На бандитов работает?

– На них... – отстраненно, думая о чем-то своем, кивнул Гречихин.

– Он был у нас на днях. К Ольге лез, мне угрожал... Но зачем ему Ольгу похищать? – в раздумье спросил у себя Глеб.

Может, он хотел продемонстрировать Ольге свою крутость? Но ведь он адвокат, значит, человек умный и такие глупости не для него. Чтобы блеснуть перед Ольгой, он должен был наказать самого Глеба – нанять бандитов, устроить засаду, напасть исподтишка или в открытую. Но ведь не было ничего такого...

– Ему сейчас не до этого, – покачал головой Гречихин. – Если он по-прежнему на Свирида работает, то ему сейчас не до твоей Ольги. У Свирида сейчас большие проблемы, он от рубоповцев бежит. Его сегодня утром взять пытались, но неудачно... Подробностей пока не знаю. Но уверен, что Федорин сейчас на ушах стоит, чтобы своего босса отмазать.

А как он его отмажет, если Свирид человека убил? Убийство на нем, РУБОП с него не слезет, пока до приговора не дойдет... Нет, не до твоей Ольги сейчас Федорину, не до нее...

– А вдруг?

– Вряд ли... – Капитан не столько сомневался в причастности Федорина к исчезновению Ольги, сколько не хотел ввязываться в это дело.

– Может, я с ним поговорю, ну, как мужчина с женщиной? – спросил Глеб. – Бить не буду, но в глаза посмотрю. Возможно, глаза что-то скажут?

– А как ты его найдешь?

– Так это я у тебя и хотел спросить.

– Ну, адрес у нас есть... Бить его, говоришь, не станешь?

Судя по неуверенному голосу капитана, он сомневался, что Глеб сможет справиться с Федориным. Впрочем, удивляться тому нечего. Ну не производил Глеб впечатления крутого парня: не той комплекции у него фигура.

– Не стану.

– Ты в Чечне ротой командовал?

– Да, – кивнул Глеб.

– Что за рота?

– Материально-технического обеспечения. В общем, хозяйственная рота...

– Ну, без тыла армия воевать не может, – снизошел до одобрения Гречихин.

– Так ты адрес дашь?

Капитан вредничать не стал. Адрес он Глебу дал, но с условием, чтобы он держал его в курсе дела. Надо было поговорить с Федориным, а потом прибыть в отделение и отчитаться перед Гречихиным. Однако, судя по выражению лица, с которым оперативник говорил об этом, желания получать отчет у него не было. Казалось, он хотел только одного – чтобы Глеб не заявлял о похищении Ольги.

Глава 7

На вражеской территории пивка в засаде не попьешь. Но Глеб на своей земле, боевики с оружием по двору не шастают, а злобная старуха при всей своей вредности в разряд врагов не попадает. Погода сегодня хоть и не очень хорошая – дождь вечером прошел, ночь прохладная, – но Глеба этим не смудишь. Он мог в холодной зимней слякоти целые сутки пролежать, и ничего. А тут на скамейке сидеть можно и прятаться ни от кого не надо.

Правда, на скамейке он сидел, пока не появилась злобная старуха с длинным во всех отношениях носом. Эта бестия наорала на него – дескать, это не распивочная, и алкашам здесь делать нечего. Пригрозила, что вызовет милицию, если Глеб не уберется. А ведь начало двенадцатого ночи было, темнота уже давно сгустилась, во дворе ни единой живой души. Но, видно, не спалось старухе. Зато сейчас она уже спит как убитая, потому что добила своего – согнала человека с места, утешила свою гордыню.

Глеб покинул насиженное место, но вскоре вернулся обратно, правда, на скамейку садиться не стал, чтобы злобная старуха его не заметила.

Можно было устроить наблюдательный пост на лавочке соседнего подъезда. Время уже позднее, и любой человек, направляющийся ко второму подъезду, привлечет его вни-

мание. Зрение у него достаточно острое, чтобы разглядеть Валентина на расстоянии пятидесяти метров даже при слабом уличном освещении. Да и ноги у него быстрые, несмотря на ранение, он вполне способен был настигнуть Федорина и перекрыть ему путь еще до того, как он зайдет в свой подъезд. Но слишком резкие движения могут испугать адвоката. Вдруг у него пистолет при себе, что, если он стрелять начнет? Поэтому надо было выйти к нему спокойно, без суеты, так, чтобы находиться от него на близком, а значит, и безопасном для себя расстоянии...

Шло время, а Федорин все не появлялся. Нет его дома, а может, и вообще сегодня ночью не быть. Но Глебу нужно было встретиться с ним, поэтому он будет ждать его и день, и два...

Но Федорин появился в половине третьего ночи. К дому он подъехал на роскошном джипе, торопливо вышел из него. Он поставил машину на сигнализацию, значит, в ней никого не было. Руль или педаль акселератора адвокат заблокировать не стал – или не было у него такого устройства, или он в ближайшее время собирался вернуться к машине.

Глеб вышел из тени, перекрыл ему путь, угрожающе глядя на Федорина исподлобья.

- Слышь, мужик, ты чего? – всполошился адвокат.
- Валя, поговорить надо.
- А-а, это ты!
- Ольга где?

– Ольга?! Я откуда знаю? – возмущенно протянул Федорин, но голос его при этом дрогнул.

– Знаешь.

– Да пошел ты!

Федорин попытался обогнуть Глеба, но тот схватил его за руку. Некрепко схватил, всего лишь обозначил захват, и адвокат расценил это как признак слабости.

– Ну, ты попал!

Адвокат двинул его локтем, из очень удобной для себя позиции. А удар у него поставлен хорошо, только цели он достигнуть не смог. Глеб жестко блокировал выпад и тут же, совершенно без всякого замаха, ударил Федорина согнутыми фалангами пальцев в шею. Все произошло автоматически, на рефлексах, и Глеб мог не рассчитать сил. Его удар за просто мог закончиться летальным исходом для противника...

Глеб подхватил бесчувственного Валентина на руки, затащил в его же собственную машину, усадил на переднее пассажирское сиденье. К счастью, адвокат был жив – пульс прощупывался. Он обыскал Федорина; оружия у него не было, зато в кармане пиджака нашлись ключи от машины.

Дробов мог бы поговорить с Валентином и во дворе дома, но очень уж его смущала злобная старуха. Она ведь могла все видеть и позвонить в милицию. А так он отъедет в безопасное место, поговорит с адвокатом, после чего отпустит его. И машину, само собой, вернет...

Он не стал далеко уезжать, перегнал автомобиль в соседний двор, там и остановился. Привел в чувство Федорина, дал ему время прийти в себя.

– Ты больше меня так не пугай, – с жесткой усмешкой сказал Глеб.

– Я тебя напугал? – потирая шею, дрожащим от страха голосом спросил Федорин.

– Я подумал, что убил тебя... «Языка» сначала допрашивают, а потом убивают, – Глеб немного подумал и добавил: – Если он молчит, убивают. А если правду скажет, тогда у него появляется шанс выжить. Но ты же не «дух», у тебя шансов остаться в живых больше. Скажешь, где Ольга, и я тебя отпущу.

– Я не знаю, где она.

– Ты знаешь, как правильно перерезают горло? – отстраненно спросил Глеб. – В кино показывают фонтаны крови, так оно и бывает, если горло перерезать неправильно. Но если сделать это как следует, то вся кровь уйдет внутрь... Показать?

Он не стал снимать с пояса свой тактический боевой нож, но левую руку держал так, как будто в ней находилось оружие.

– Не надо! – жалким голосом пробормотал адвокат.

Глеб не стал связывать адвокату руки, пока тот находился в отключке. Он всем своим видом давал понять, что справится с жертвой и так. Пропущенный удар деморализовал

Федорина, и он даже не помышлял о сопротивлении. Но если вдруг он все-таки готовит коварный удар, ему придется туго. Глеб точно знал, что сможет справиться с ним, и эта его уверенность также оказывала психологическое давление на жертву.

– Где Ольга?

– Я не знаю. Я ее не трогал, – пробубнил адвокат.

– А кто трогал?

– Не знаю. Это не я...

– Да, тебя там не было. Но ты где-то рядом стоял.

– Не было меня там рядом. Это не я.

– Что «не ты»?

– Я ее не увозил...

– Куда ты ее не увозил?

– Никуда!.. Не я это!

Глеб легко втиснул свое тело в проход между передними сиденьями. Валентин и очнуться не успел, как оказался у него за спиной. Одной рукой он взялся за шею, другой – за подбородок.

– Знаешь, как шея сворачивается? Как в кино показывают, так и в жизни происходит. Только в жизни противника сначала на живот укладывают, потом уже шею ломают. Тело прижимают коленкой к земле, затем делают скручивающее движение. Но я могу свернуть тебе голову, как в кино. Одно движение – и ты труп... Что, не веришь?

– Верю! Верю! – в ужасе проблеял Федорин.

– Да, но я тебе не верю... Ты говоришь, что не увозил Ольгу. Не увозил?

– Нет.

– А кто тебе сказал, что ее увезли?

– Кто сказал?! – испуганно дернулся адвокат. – Никто не говорил...

– Сам знаешь?

– Что я знаю? Ничего я не знаю. И что с Ольгой, не знаю...

А что с ней?

– А мне сказали, что ты талантливый адвокат, – усмехнулся Глеб. – А тупой – как пробка... Может, потому Свирид и набил тебе морду?

– Свирид?!

– Только не говори, что ты его не знаешь.

– Не знаю...

Глеб напряг мышцы, давая понять, что собирается свернуть Федорину шею.

– Смотри, главное в этом деле – крепко взяться за подбородок, и шея должна быть хорошо зафиксирована. И еще надо поймать момент скручивания... Если я его поймаю, ты умрешь сразу, даже ничего не почувствуешь, если нет, то придется немного помучиться. Нет, боли ты не почувствуешь, потому что тело парализует, но представляешь, каково это – лежать и знать, что душа тебя покидает? Представил? Ну, тогда прощай!

– Я знаю Свирида! – в паническом страхе выдавил из себя

Валентин.

Но Глеб не ослаблял хватку.

– И что?

– Ну, ты же спросил, я ответил...

– Я не спрашивал. Я знал, что ты работаешь на Свирида.

И что с ним сегодня утром случилось, мне тоже известно...

Ольга где?

– Я не знаю!

Но чутье подсказывало Глебу, что Валентин все знает, поэтому, отпустив жертву, он все-таки обнажил нож. И тут же приставил его к горлу Федорина.

– Ты думаешь, что ты умный, – озлобленно, сквозь зубы процедил он. – Мы там в Чечне с бандитами воевали, а ты здесь с бандитами дружишь. Бандиты нашим пацанам головы отрезали, а ты здесь им вылизывал...

– Я не вылизывал... Это бизнес, ничего личного, – сдавленно простонал адвокат.

Но Глеб пропустил его слова между ушей.

– Я тебе сейчас покажу, как нашим пацанам головы отрезали. Тут главное – сила и мощный, но плавный рывок. И движение должно быть широким, а на заключительном этапе требуется очень много силы, чтобы срезать шейный позвонок. Если позвонок срежешь, то голова от шеи легко отделяется... Только вот крови много будет, но ничего, сиденья у тебя кожаные, кровь с них запросто смоеся...

– Это Свирид!

– Что Свирид?

– Свирид Ольгу забрал!..

– Зачем?

Федорин и хотел ответить, но не смог этого сделать. Он истерически зарыдал, потом у него в груди начались спазмы, от которых перехватило дыхание.

– Зачем Свирид Ольгу похитил? – немного подождав, спросил Глеб.

– Н-не знаю... – выдавил из себя Валентин. – И не Свирид это...

На этот раз на адвоката напала икота. Он пытался говорить, но слова дробились на невнятные звуки, пришлось ждать, когда он сможет членораздельно что-либо произнести.

– Так Свирид или не Свирид?

– Артемчик звонил. Он после Свирида у них в команде самый крутой... Артемчик спросил, где Ольга живет. Я назвал адрес, он сказал, что забирает ее...

– Зачем?

– Не знаю.

– Как это ты не знаешь?

– Сам ломаю голову, зачем она ему?.. Я к ней вечером заезжал, не было никого дома. Я звонил, не открывают, свет в окнах не горел. А потом вдруг ты... Что с Ольгой?

– Это ты у меня спрашиваешь?

– Все-таки увезли ее?

– Похитили ее. Запихнули в машину и увезли... Зачем ты дал ее адрес?

– Ну, я же не знал... Думал, он просто спросил, а он сказал, что забирает Ольгу. Тогда я понял, что это неспроста.

– Что «неспроста»?

– Забрал он ее неспроста...

– А зачем он ее забрал?

– Он не сказал...

– А если я не стану тебе голову отрезать? Если просто по горлу чиркну... Или думаешь, рука дрогнет? Если ты так думаешь, то зря. Я тебе сейчас это докажу.

Глебу приходилось убивать, не один десяток загубленных жизнью на его счету. Но кровожадным он не был, ни в чем не повинных людей не трогал. А вот на бандитов у него выработался рефлекс и на их приспешников тоже. А Федорин в его глазах и был бандитским пособником, потому ему ничего не стоило сейчас вскрыть ему горло.

– Не надо!.. Я правда не знаю, зачем Артемчику нужна Ольга! – простонал адвокат. Он чувствовал, что Глеб действительно может убить его.

– Считаю до трех!

– Но я правда не знаю!

– Кто такой Артемчик?

– Он у Свирида за начальника охраны. Свирид ему очень доверяет...

– Он Ольгу знает?

– Да, мы с ней в казино ходили, в «Храм Фортуны», Артемчик нас там видел. Ольга ему понравилась, он даже спрашивал, серьезно у меня с ней или не очень... Ну, я сказал, что серьезно, он отстал...

– Он что, заклеить ее хотел?

– Да, на бабах помешан. Но у меня Ольгу отбивать не стал, мы же свои люди, – не без гордости, хотя и с жалким видом, сказал Федорин.

– Но ты же сейчас не с ней. С Ольгой сейчас я. А мы с твоим Артемчиком – чужие люди. И ты сказал ему, что он может заняться Ольгой. Ты сделал это назло мне, да? Назло мне и Ольге. Так было, я спрашиваю?

– Нет! Не говорил я ничего Артемчику! И он ничего не спрашивал!

– Сам по себе позвонил?

– Сам по себе.

– Ни с того ни с сего?

– Ну, ни с того ни с сего – это вряд ли. Там у них аврал...

– Свирид от ментов бегают, да?

– Проблемы у него... Свирид на дно залег, ну, и Артемчик с ним...

– Где они на дно залегли?

– Ну, это не ко мне!

Федорин мотнул головой, забыв, что к горлу приставлено лезвие ножа. Глеб не давил на клинок, но все-таки он вошел в соприкосновение с кожей и слегка порезал ее. Глеб почув-

ствовавал контакт с плотью, отнял нож от шеи, глянул на лезвие, заметив на нем кровь. Но Валентин, похоже, даже не понял, что произошло. Слишком он взволнован, чтобы замечать такие мелочи.

– Не к тебе? А к кому?

– Я не знаю. Никто не знает. У Свирида, конечно, есть схрон, где он может переждать опасность, но так на то он и схрон, чтобы никто про него не знал.

– И ты не знаешь?

– Нет.

– И зачем Артемчик Ольгу забрал, тоже не знаешь?

– Не знаю.

– Даже не догадываешься?

– Нет.

– Может, Артемчик прихватил Ольгу, чтобы не скучать в схроне?

– Может быть... Хотя вряд ли... Зачем ему с Ольгой связываться, если у них там в клубе шлюхи есть. Взяли бы с собой пару девочек, и никаких проблем... Не знаю я, зачем ему Ольга нужна...

– Я узнаю. Я обязательно узнаю, зачем ему Ольга потребовалась. И если я узнаю, что ты Ольгу сосватал, я тебя убью.

– Я здесь не при делах, отвечаю! – проскулил адвокат. – Я только адрес Артемчику дал...

– Я слышал, Свирид человека убил.

– Да, было такое.

– Кого?

– Да парня одного. Свирид к девчонке одной знакомиться полез, а тут парень ее. У Свирида крышу сорвало, он за пистолет схватился и в упор его расстрелял. Всю обойму разрядил...

– За то, что парень за девчонку заступился?

– Ну да. На него иногда находит... Я даже больше скажу, он под наркотой тогда был...

– Это не оправдание.

– Так никто и не говорит... Артемчик с девчонкой тогда поговорил, сказал, что если она ментам заявит, то ее сначала на круг пустят, а потом по кускам резать будут... А она заявила. Вернее, опера на нее вышли, она все рассказала... Надо было с ней тоже решать, – вслух и с недовольством подумал Федорин.

– Что?! – хлестко спросил Глеб.

– А что такое? – вздрогнул адвокат.

– Ты считаешь, что девчонку надо было убить?

– Я считаю?! Нет, я так не считаю... – стал оправдываться тот. – Просто у бандитов тактика такая, они обычно от свидетелей избавляются – решительно и бесповоротно... Я-то здесь при чем? Не я же пацана убивал!

– Да, но ты теперь должен развалить это дело. Тебе деньги за это платят, – презрительно скривился Глеб. – А пока жив свидетель, ты не сможешь вытащить Свирида из петли, так я понимаю? Так. Потому и злишься ты, что девчонку в

живых оставили... Сволочь ты, Федорин. Тебя самого зачистить надо...

– Не надо!

– Не надо... А что делать, если руки чешутся?

– Не убивай! – истерично попросил адвокат.

– Что за девчонка? Как зовут?

– Вероника Соболева. Восемьдесят второго года рождения. Улица Волгоградская, дом четырнадцать, квартира сорок семь, – со страха признался Федорин.

– Ты что, убить ее должен? – осадил его Глеб.

– Убить?! Я?! С чего ты взял?

– А разве ты не должен вытащить своего босса из дерьма?

– Да, но не таким же образом!

– А каким?

– Не должен я никого убивать!

– А кто должен?

– Никто. Не собирался ее никто убивать...

– Точно?

– Ну, я ничего насчет этого не знаю...

– Но ты же знаешь ее адрес?

– Ну, знаю. Я же должен отслеживать ситуацию...

– Ты следил за ней?

– Нет, Свирид сказал, чтобы я ее нашел, поговорил с ней.

Ну, чтобы она в милицию не сообщала. Артемчик наорал на нее, а я тактично с ней говорил. Сказал, что у нее будут очень серьезные проблемы. Она мне поверила, пообещала, что ни-

кому ничего не скажет. А потом появились менты, они поработали с ней, она во всем призналась. Свирид узнал об этом и очень разозлился, – тяжело, со стоном проговорил Федорин и потрогал синяк под глазом.

– Потому и морду тебе набил? – усмехнулся он.

– Было такое... Он мне сказал, что с Вероникой надо разобратся. Приказал, чтобы я встретился с ней, поговорил. Это по моей части. А убивать – нет, это не для меня...

– Ты говорил с ней?

– Нет. К ней близко никого не подпускают.

– Кто не подпускает?

– РУБОП с ней работает. С ней постоянно два опера на ходятся. Охраняют ее.

– Это хорошо, что ее охраняют. Но этого мало. Вас, волков, отстреливать надо, а то развелось... Может, с тебя начать?

– Не надо, – хныкнул Федорин.

– Да я и не собираюсь. Руки не хочу о тебя марать. Тебя свои же пристрелят... Я, наверное, тебя отпущу, а ты уж сам думай, как тебе быть. Хочешь, расскажи своему Свириду про нашу встречу. Скажи, что я его ищу, вдруг он меня взять сможет. Я тогда обязательно расскажу ему, как ты его сдал... Или ты его не сдавал?

Адвокат опустил голову, подбородком коснувшись груди. Таким образом он согласился с Глебом, что предал своего босса.

– Но, если со мной ничего не случится, никто ничего не узнает. Ты меня понимаешь?

Федорин кивнул.

– Что, не хочешь под танк попасть?.. Я тебя понимаю, – презрительно усмехнулся Глеб. – И даже отпускаю тебя. Прямо сейчас и отпущу. Но ты мне скажешь, где прячется Свирид...

– Я не знаю! Я правда не знаю! – умоляюще простонал адвокат.

Сколько Глеб ни приставал к Федорину, требуя назвать адрес, по которому скрывались бандиты, так ничего и не узнал. Трусливый Валентин действительно был не в курсе. Что ж, это не остановит Глеба. Он все равно доберется до Свирида...

Глава 8

Молния перечеркивала темное небо, гремел гром, тяжелые тучи выплескивали на землю тонны воды. Крупные и частые капли дождя заливали лобовое стекло, «дворники» работали в самом быстром режиме, но едва справлялись со своей задачей. А Киргизу надо было следить за подъездом многоэтажного дома, поэтому приходилось напрягать зрение, чтобы не прозевать ментов. А смотрел он за подъездом через бинокль, потому что близко подъезжать никак нельзя, иначе засекут...

– Блин, достало это все! – возмущенно, с кислым видом протянул Совок. – Депресняк на голову давит, мозги усыхают.

Мощный парень, мастер спорта, чемпион области в тяжелом весе. И выглядит он круто – суровые черты лица, крепкий, чуточку приплюснутый нос, волевой подбородок, тяжелое мускулистое тело. Удар он хорошо держит, сам быка кулаком завалить сможет. В общем, плакаты с него рисовать можно, о мужестве и героизме, а ведет себя, как баба. Ноет, гундит, раздражает, а порой и вовсе выводит из себя. Но и выгнать его Киргиз не может, потому что при всей своей занудливости Совок не боится идти на дело. Более того, он призывает форсировать события – раскидать ментов и увести у них девчонку. На все готов Совок, лишь бы не отсижи-

вать задницу в машине. А они уже третий день в засаде, всем уже опостылело такое сидение.

– Мозги так просто не усохнут, брат, – спокойным рассудительным тоном сказал Бобрик. Казалось, сейчас он скажет что-то умное, утешительное, но слишком уж хорошо знал Киргиз своего дружка, чтобы надеяться на это. – Мозги сначала появиться должны, а потом они уже могут усохнуть...

– Да пошел ты!..

Совок и не думал набрасываться на него с кулаками. Ни к чему это: ведь все знали, что не трус он, да и Бобрика запросто мог прибить с одного удара. Но свою отповедь он выстроил витиеватым матом.

– Есть у Совка мозги, – сказал Киргиз. – Только не серые, а желто-коричневые, я их видел, когда он в ушах ковырялся...

– А вдруг все вытащил? – засмеялся Бобрик.

Не сказать, что тщедушный он на вид, но габариты у него не очень. Среднего роста, худощавый. Качается он усиленно, причем не первый год, мышцы у него железные, сила в них неслабая, но при этом они маленькие – не бугрятся, не выпирают, не радуют глаз хозяина перед зеркалом. Но мал клоп, да, как говорится, вонюч. А Совок хоть и любит понуть, в общем-то, неконфликтный парень, да и с Бобриком они уже давно кенты.

Совок хотел что-то ответить, но к подъезду вдруг подъехала зеленая «девятка» со знакомыми номерами. На этой ма-

шине к дому обычно подъезжала оперская смена для охраны Вероники Соболевой.

– Тихо! – вскинул руку Киргиз.

Он так надеялся, что когда-нибудь эта машина заберет обоих оперов, никого не оставив взамен. Не могут же менты обеспечивать постоянную охрану свидетеля. Штат у рубоповцев небольшой, а работы полно, к тому же сейчас лето – пора отпусков, а это еще один удар по кадровому вопросу. Да и острота момента уже не та, что несколько дней назад. Свирид в загоне, братва его попала под пресс, на Соболеву никто не покушается, значит, можно снять ее с охраны. Хотя бы временно снять, чтобы заткнуть брешь на каком-нибудь участке, где аврал...

Бригада у Киргиза боевая, братва труса не празднует, но на рожон лучше не лезть. Слишком напряженная сейчас обстановка, чтобы озлоблять против себя и без того взъевшихся ментов. Потому и парится Киргиз в ожидании удобного момента. Ждет и надеется, что когда-нибудь Соболева останется без охраны...

Машина остановилась, но никто из нее не вышел. Дождь такой, что можно промокнуть до нитки, не доходя до подъезда, может, потому опера и пережидали ненастье. А может, и не было никого в машине, кроме водителя. Стекла в «девятке» затонированы наглухо, и сколько ни всматривайся в них, ничего не видно.

– Чего они там? – заинтригованно спросил Совок.

– Кто они? Нет там никого, – сказал Бобрик.

– Первым телку оседлаешь, если менты без остатка сольются.

Киргиз так хотел на это надеяться, что готов был подложить под Бобрика собственную сестру, если его прогноз сбывается. Но предложил он ему Соболеву. Артемчик четко ей сказал, что ее сначала на хор поставят, а потом уже на запчасти разберут. Она не поверила, что ж, теперь придется расплачиваться за свою глупость.

– Зачем первый? Мы к ней сразу со всех дверей зайдем, – мечтательно осклабился Совок. – Бобрик, ты можешь направление выбрать.

– Ну, ты, брат, и пошляк! – скривился Бобрик. – А мы люди цивилизованные, мы насилуем по-джентльменски, без всяких там и извращений. Да, Киргиз?

– Сейчас главное, чтобы нас самих не изнасиловали, а там видно будет, какие мы джентльмены... Есть! – восторженно вскричал Киргиз, вскинув сжатую в кулак руку вверх и резко ее опустив.

Из подъезда один за другим выбежали знакомые опера, сели в «девятку», которая тотчас увезла их в неизвестном направлении. Видно было, как спешили менты, очевидно, что-то серьезное случилось у них, если они решились оставить Соболеву без охраны.

Но а вдруг смена уже на подходе, что, если сейчас ее доставит к месту другая машина?.. Что ж, если это случится,

придется отбиваться.

Для нападения все было готово. Киргиз подогнал машину к подъезду, натянул на голову черный чулок, достал из-под сиденья пистолет Стечкина, сунул его за пояс. Совок в точности повторил за ним все действия, но плюс к тому вооружился еще и тяжелой кувалдой.

Бобрик оставался в машине. В рукопашной схватке толку от него мало, зато стреляет он отлично и, что главное, с легкостью профессионального киллера. У него такой же «стечкин», как у Киргиза, а это очень серьезное оружие.

– Если менты подъедут, мочи всех, – распорядился Киргиз.

– А приз? – ухмыльнулся тот.

– Будет тебе приз. Сейчас за ним ходим, и будет.

Дождь не прекращался, и Киргиз промок, пока добежал до подъезда, но это его ничуть не расстроило. Чем сильнее дождь, тем меньше случайных прохожих на улице. Возможно, их число будет сведено к нулю.

Лифтом они пользоваться не стали; мощный Совок с легкостью занес тяжеленную кувалду на четвертый этаж. Дверь в сорок седьмую квартиру железная, но Совка это ничуть не смутило. Ему хватило пяти точных ударов, чтобы она, смятая в корыто, беспомощно повисла на петлях.

В квартире уже паника. Мать трясущейся рукой набирала номер на телефоне, дочь в ужасе закрылась в своей комнате.

А мать у Вероники еще нестарая и очень даже симпатич-

ная. Киргиз и сам уже не молодой, тридцать лет в прошлом году стукнуло, он мог бы даже приударить за этой женщиной. Теоретически мог, а на самом деле он ударил ее кулаком в подбородок, сбил с ног, а затем пнул в живот. Женщин бить не принято, но на него это не распространяется. Когда он в действии, никаких моральных принципов для него не существует. Если надо было бы убить эту женщину, он бы сделал это не раздумывая. Но такая задача не стоит, поэтому их лица скрывают маски. А на руках перчатки. Обувь и одежду они потом выбросят...

Совок ударил кувалдой в межкомнатную дверь, разнес ее в щепки, ворвался в спальню, вытащил оттуда Веронику.

– Пусти! Пусти! – визжала девчонка.

Совок держал ее под мышкой, она барахталась, пытаясь вырваться. Киргиз схватил ее за волосы, оттянул вверх голову и приставил ко лбу ствол пистолета.

– Заткнись, сука! Или я тебе сейчас башку разнесу!

Угроза подействовала, девчонка замолчала. Она понимала, кто напал на нее, поэтому осознавала всю безнадежность своего положения. Не нужна она Свириду живой, значит, рано или поздно ее убьют. Но для нее лучше – поздно. Молодая она, жить хочется. И еще красивая она. Не зря же Свирид запал на нее, ввязался в историю... Ей бы жить, парня своего любить, детей от него рожать, ан нет, придется умереть. Но Киргизу все равно, что с ней будет. Он не жестокий, просто работа у него такая – разрешать нестандартные проблемы,

порой с летальным для кого-то исходом.

Девчонку спустили вниз, запихнули в машину, Киргиз сел с одной от нее стороны, Совок – с другой. Тесно им втроем на заднем сиденье, зато правый бок приятно греет нежная девичья плоть, пока что еще прикрытая тканью спортивного костюма.

– Эй, вы ее мне там не испортите! – разгоняя машину, бросил через плечо Бобрик.

Он больше всех радовался тому, что план Киргиза сработал. Девчонка у них в руках, и он, получается, первый в очереди к ней. Ведь слово нужно держать.

– Да там до тебя пломбу сорвали! – гоготнул Совок. – Там мусора ее охраняли. Да, киска? Какие у них там охранялки? Потрогай, может, моя лучше?

Он схватил Веронику за руку, та стала сопротивляться, назвала его скотом. Совок хотел ударить девчонку, но Киргиз его осадил – хмуро глянул на Совка и осуждающе покачал головой. Доброта здесь ни при чем, просто во всем должен быть порядок. Беспредел, как известно, развращает пацанов похлеще, чем легкодоступные женщины.

Киргиз достал из кармана в сиденье спутниковый телефон, выдвинул антенну. С обычной мобилы до Артемчика не дозвониться, потому что он был вне зоны действия сотовый сети. Далеко за городом, в колхозной глуши, находится схран.

– Что такое, брат? – недовольно спросил Артемчик.

Не нравилось ему, что у них не получается взять свидетельницу, хотя сам же и запретил Киргизу вступать в перестрелку с ментами.

– Все в порядке, босс, она у нас.

– С ментами как? – взбудоражился Артемчик.

– А никак. Не было ментов. Может, совсем охрану сняли, может, на время. Короче, чисто сработали.

Дорога заняла около четырех часов. Они могли бы уложиться и в меньшее время, но приходилось объезжать стационарные ментовские посты.

Свирид не дурак, он понимал, что на него могут наехать менты, поэтому и устроил на всякий пожарный случай схрон в излучине маленькой, но глубокой речушки. Бревенчатый дом напоминал избушку на курьих ножках, потому что стоял на высоких столбовых опорах, заменяющих фундамент. Примитивная конструкция, зато прочная и недорогая. Да и зачем тратить лишние деньги на дом, который может и не пригодиться?

Но дом пригодился. Свирид с врачихой обосновался в двух комнатах, Артемчик с Гномом – в третьей, а шесть бойцов размещались на чердаке – места для них там хватало.

Дом обнесен был высоким забором из неструганых досок. Деревянные ворота открылись, едва только джип Киргиза выехал из леса на поляну, где стояла секретная усадьба. Дом высоко поднят над землей, поэтому с чердака видно далеко. Для того и разместил Артемчик охрану на крыше, чтобы она

с высоты своего положения отслеживала обстановку.

Но самого Артемчика в доме не было. Во дворе стоял только один из двух автомобилей, выделенных под охрану. И новенький «Икс-Пятый» «БМВ» Свирида исчез.

– Уехали они, – сказал кривоносый Смит в ответ на вопрос Киргиза.

– Куда?

– На другую точку.

Киргиз кивнул. Он слышал, что у Свирида был еще один схрон. А может, и не один. Он мужик богатый и запасливый. К тому же тайными этими жилищами в других авральных случаях могли воспользоваться и рядовые бойцы его команды...

– Чего так?

– А вдруг вы хвоста привезли? – ухмыльнулся Смит.

– Нет за нами хвоста, – волком глянул на него Киргиз.

Парень не выдержал взгляд, отвел глаза в сторону.

– Я здесь при чем? Артемчик так сказал.

Киргиз взял телефон, попробовал связаться с боссом, но бесполезно.

– Ты ему не дозвонишься, – покачал головой Смит. – Он сам тебе позвонит...

– А сейчас нам что делать?

– Как «что»? Сначала свадьба, потом похороны, – осклабился Смит и плотоядно облизнулся на сидящую в машине Веронику. – Красивая у нас невеста... Кто первый женится?

– Я первый, – Бобрик легонько толкнул его в плечо, разворачивая к себе лицом. И пристально, без всякой робости посмотрел ему в глаза. – Так что становись в очередь...

– Четвертым будешь, – сказал Киргиз. – После Совка. Он жалел о том, что по своей же воле уступил Бобрику право первой ночи, но слово надо держать.

– Помогите! – заголосила Вероника, когда Бобрик стал вытягивать ее из машины.

Киргиз глумливо усмехнулся, глянув на нее. И она, и он, и все прекрасно знали, что никто не придет к ней на помощь. Бобрик взял Веронику за руки, Совок – за ноги. Они потащили ее к дому, а она кричала, но рот ей никто не затыкал. Пусть кричит, недолго ей осталось...

Глава 9

Хорошо воевал Глеб в последнюю кампанию в Чечне, и заслуги его нашли выражение не только в ордене, но и в деньгах, которые он заработал. Сто сорок четыре дня засчитаны ему в актив, а это очень солидная сумма – хватило не только на стиральную машину, но и на автомобиль. Да еще и на портативный компьютер осталось.

«Ниве» уже семь лет, пробег сто пятнадцать тысяч километров, но работала она исправно, пока еще ни разу не подвела. Сто восемьдесят километров он на ней уже прошел, и хотелось бы надеяться, что путь этот проделан не зря...

Отпустил он Федорина и сразу же отправился к дому Соболевой. Чутье подсказывало, что Свирид нацелил глаз на Веронику, по ней и будет нанесен удар. Стараясь не привлекать к себе внимания, он обошел четырнадцатый дом, увидел подозрительный джип «Чероки». Проходя мимо этой машины, он заметил парня с биноклем, через который тот наблюдал за вторым подъездом четырнадцатого дома.

Глеб сам зашел в этот подъезд, поднялся на второй этаж, и тут снизу послышались голоса. Он поднялся выше, притаился и вскоре понял, что это прибыли оперативники, чтобы сменить на боевом посту своих товарищей. Он мог бы сказать этим ребятам, что за ним следят бандиты, но не захотел связываться с милицией. Вдруг его снова отправят в «обе-

зьянник», как в прошлый раз? Да и глупо было бы считать рубоповцев дураками, скорее всего они сами уже засекли подозрительный джип.

Глеб отправился домой в надежде, что Ольга уже вернулась. Но нет, не было ее там. Тогда он забрал все свои деньги, поехал на рынок, выбрал вполне приличную на вид «Ниву», хозяин которой прямо на месте оформил на нее генеральную доверенность, получив свои сорок тысяч рублей. Но и это было еще не все.

Радиорынок в Черноземске небогатый, напрасно Глеб пытался купить на нем радиомаячок. Но не зря же он служил в разведке, там ведь его не только стрелять и в рукопашном бою драться учили. Он знал и радиодело. Был у него радист – большой специалист по электронике, изобретатель и рационализатор, он-то и научил, как радиомаячок из подручных средств собрать. Так что знал Глеб, какие детали надо было для этого дела купить. Железную коробочку своими руками смастерил, начинку в нее напаял. Устройство, правда, громоздким вышло, и магнитные присоски, которыми Глеб мог его оснастить, не казались надежными держателями. Пришлось ночью лезть под «Чероки», чтобы закрепить прибор под днищем с помощью пластыря.

Не стал для него проблемой и вывод сигнала на монитор ноутбука. С этим делом помог ему продавец компьютера, парень, который расставался с устаревшей моделью в обмен на более совершенную. За отдельную плату он нашел и уста-

новил нужную программу с электронной картой местности, совместил ее с наружным устройством.

И машиной Глеб обзавелся, и системой слежения, но всего этого могло и не быть, если бы не деньги и время, которое ушло на подготовку к предстоящей акции. А еще его терзало не столь уж смутное сомнение в том, стоило ли тратить-ся на решение технических вопросов? Может, было бы проще отработать с бандитами по старинке – упал на хвост и поехал? Но ведь в «Чероки» сидели не идиоты. За подъездом они следили с безопасного для себя расстояния. Значит, и уходить они будут осторожно, чтобы не привести за собой хвост.

А Глеб понимал, что рано или поздно они уйдут. Или менты их вспугнут, и они отправятся к Свириду, или самим на-доест ждать у моря погоды. А может, они уйдут с добычей в руках...

Бандитам повезло, они поймали ментов на пересменке, ворвались в квартиру к Соболевой, затащили ее к себе в машину и преспокойно уехали. Но так же спокойно им на хвост сел Глеб.

Он думал, что бандитов перехватят, где-нибудь по пу-ти, но нет, они беспрепятственно покинули город, продела-ли длинный путь, старательно объезжая милицейские посты. Дорога привела их к высокому бревенчатому дому, обнесен-ному дощатым забором.

Глеб радовался тому, что план его сработал. Не зря, ока-

зывается, он покупал машину с хорошей проходимостью, тратил время и деньги на радиомаячок и приемник сигнала. Но радость его была сдержанная, потому что дело еще не окончено. К тому же не факт, что Ольга находится в этом доме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.